

Х. НЫДРО.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА,

ВЕДЕННАГО

ВЪ СИБИРИ.

(I. „Шутку шутилъ“. Къ исторіи икрючниковъ въ г. Томскѣ.
Разсказъ старожила.—II. „Бойкая Сибирячка“.—III. „Сибир-
скіе шаманы“.)

20% чистаго сбора отъ изданія назначается на основаніе фонда имѣющаго
открыться въ г. Тобольскѣ „Общества спсеченія о начальномъ образованіи“.

ТОВОЛЬСКЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1894.

Х И Т

ОТДѢЛЪ ЦЕНЗУРЫ

ВЪВЕДЕНА

Дозволено цензурою. Г. Казань, 24 Сентября 1893 года.
Помощникъ Казанскаго Отдѣльнаго Цензора, Коллежскій
Ассесоръ *М. Пинегинъ*.

ТОБОЛЬСКЪ

Томская Губернская Печатня

1894

1. „ШУТКУ СШУТИЛЪ.“

(КЪ ИСТОРИИ „ИКРЮЧНИКОВЪ“ ВЪ ТОМСКЪ.)

Изъ разсказа сторожила.

Въ послѣдній день прошедшей масленицы, въ Томскѣ, случилось мнѣ быть въ домѣ одного моего знакомаго, гдѣ собралось небольшое общество. Всѣ были въ веселомъ настроеніи духа, шутили, смѣялись и разсказывали другъ другу городскія сплетни, называемыя здѣсь обыкновенно «новостями». Проведя около получаса въ пріятной бесѣдѣ, всѣ мы перешли изъ залы въ гостиную, гдѣ при легкой закускѣ à la fourchette, сопровождаемой необходимыми и уже надоѣвшими блинами, жена хозяина дома попотчивала насъ преотличной наливкой собственнаго приготовления. О такой наливкѣ и во снѣ не грезилось г. Фуксману и прочимъ водочнымъ мастерамъ, угощающимъ томичей подслащенной и подкрашенной сивухой, называемой ими наливками: смородинной, малиновой и даже вишневой!*) Я собирался съ двумя-тремя гостями отправиться уже во-свояси, несмотря на просьбы гостепріимныхъ хозяевъ «еще посидѣть», какъ разговоръ повернулъ вдругъ на «злобу дня»—на кошевки, рыскающія по городу съ удалыми добрыми молодцами, подтибрывающими прохожихъ на крюкъ. Разсказывались возмутительныя исторіи, занесенныя уже на страницы нашихъ газетъ и даже такія, о которыхъ «исторія молчить». Это меня задержало.

*) Удивительно, какъ эти господа не пустятъ въ ходъ еще и ананасную наливку, вмѣстѣ съ вишневой. Вотъ была-бы потѣха!

— Старинный, весьма старинный образъ грабежа, — отозвался глубокомысленно одинъ изъ гостей, прочитавшій нѣкогда Тэйлора и Лѣббока... — Онъ употреблялся въ тѣ времена, когда люди вели еще кочевую жизнь.

— Можетъ быть! — произнесъ ѣдко другой, бывший учитель, — если въ тѣ блаженныя времена было что грабить и случалась нужда въ грабежѣ. Впрочемъ эти «крючники» дѣйствительно напоминаютъ что-то древнее.

— По-моему, не слѣдуетъ ихъ называть «крючниками», а *икрючниками*, — ввернулъ третій, переселившійся недавно въ Томскъ, изъ Восточной Сибири. — На забайкальской степи монголо-буряты, съ помощію аркана и крюка ловятъ лошадей изъ своихъ табуновъ. Ловлю эту сибиряки называютъ *икрюченіемъ*, а ловцовъ и даже самыхъ лошадей, на которыхъ выѣзжаютъ на ловлю — *икрючками*. Видалъ я эту ловлю часто и не могъ надивиться ловкости и отвагѣ «икрючниковъ».

— Эта охота на людей съ веревкою и крюкомъ — заговорилъ четвертый, довольно еще молодой человѣкъ, — практикуется съ тѣхъ поръ, какъ Томскъ стоитъ. Вѣроятно ее ввелъ въ употребленіе какой-нибудь киргизъ, или монголо-бурятъ. Несмотря на бдительный дозоръ полиціи, все-таки по временамъ пускается машина въ ходъ. Правда, дѣдушка? Вы, вѣдь, здѣшній сторожилъ, вамъ это должно быть извѣстно лучше, чѣмъ намъ.

Послѣднія слова были обращены къ сѣдовласому старичку, румяному и бодрому, отцу хозяйки дома.

— Да, дѣйствительно, я томскій сторожилъ, родился и состарился въ Томскѣ, — отвѣчалъ тотъ, странно какъ-то улыбаясь. — Но насчетъ этого крющеня, или икрюченя, я съ вами не согласенъ. Художество это немного старѣе васъ, и его впервые пустилъ здѣсь въ ходъ не какой-нибудь азіятъ, киргизъ или бурятъ, а житель нашей сѣверной пальмиры, петербургскій уроженецъ.

— Ха, ха, ха! Вотъ это презабавно! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Не шутя, говорю вамъ, господа, — продолжалъ сѣдвла-

сый старичокъ, окидывая всѣхъ спокойнымъ и увѣреннымъ взглядомъ.

— Что-же, это, вѣрно, былъ какой нибудь плугъ, мазурикъ, ссылный?—произнесъ кто-то.

— Напротивъ, человекъ, сколько мнѣ извѣстно, пріѣхавшій въ Сибирь по собственной волѣ, безукоризненной честности.

— Расскажите же, что за чудеса это?—обратились къ старичку почти всѣ.

— Расскажу, если угодно послушать, только прежде выпьемте, господа,—отвѣчалъ тотъ, подходя къ столу, заставленному батареей питій.—Наливка-то больно хороша!

— Дѣйствительно, отъ такой наливки невозможно отказываться...

Посмаковали мы еще наливки и разсѣлись по мѣстамъ въ ожиданіи разказа, который, по загадочности своего содержанія, возбудилъ общій интересъ.

— Случилось это, господа, какъ-бы не соврать... въ началѣ пятидесятихъ годовъ,—началъ старичокъ,—но когда-бы это ни случилось, скажу вамъ по чистой совѣсти, что до того времени икрюченіе людей томичамъ и во снѣ не представлялось... Служилъ я тогда по части золотопромышленной, сначала у Горохова, потомъ у Асташева. Насъ, служащихъ, было много, жалованье всѣ получали большое, не нынѣшнему чета. Въ числѣ служащихъ у Асташева было три, или четыре петербуржца. Одного изъ нихъ звали Николай... отчества и фамиліи, право, не припомню... Назовемъ его, пожалуй, Алексѣевъ. Это былъ, что называется, душа человекъ, балагуръ неистощимый, шутникъ и весельчакъ непроходимый. Мы всѣ его, просто, обожали... Никого онъ никогда, не то чтобы дѣломъ, а словомъ не обидѣлъ. Со всѣми обходился отменно вѣжливо, мягко и предупредительно. Однимъ словомъ, человекъ съ высокими о вещахъ и людяхъ понятіями. Когда мы, конторскіе, то есть служащіе при конторѣ, выѣзжали на зиму съ пріисковъ въ Томскъ, мы не прекращали своихъ занятій. А ихъ было довольно, особенно въ декабрѣ и январѣ. Занимались мы обыкновенно съ 9 часовъ утра до 4 или 5 вечера. Чай, зав-

тракъ и обѣды давались намъ отъ конторы. Только вечеромъ мы бывали свободны, и тогда кантовали во всѣ лопатки, по-пріиска- тельски. Что дѣлать? Люди все были молодые, не стѣсняли себя ни въ чемъ. Дебошей и скандаловъ у насъ не случилось. Ими преимущественно отличались гороховскіе служащіе... Обыкновен- но мы, по уговору, собирались у котораго-нибудь изъ нашихъ... конторскихъ, всего чаще у Алексѣева. Страсть онъ любилъ принима- ть у себя гостей и принималъ—просто шикъ...

У насъ закуски бывали:—балычокъ, икорка, колбаска, вет- чинка, соленые огурчики, а подчасъ и кислая капуста. Изъ пи- тей употреблялись родное сильвупле, дрянъ-мадера, хересь дела фронтера и тому подобныя дешевки. У него же столъ заставлял- ся всевозможнаго рода деликатессами. Безъ шампанскаго и пор- тера у него никогда не обходилось... Много кое-чего высылали ему знакомые изъ Петербурга... Особенно онъ хвасталъ передъ нами какой-то рыбицей... Позвольте припомнить, какъ ее звали... Кажется шамая... да, шамая, или шамайка... Золотистая этакая... а жиръ такъ и течеть... Чудо, что за вкусная... Ни у кого въ Том- скѣ я такой рыбицы не ѣдалъ и даже не видалъ... И квартира у него была тоже шикарная—въ нѣсколько комнатъ; зеркала, кре- сла, оттоманы, этажерки, книги, кипсеки, занавѣсы, ковры, цвѣ- ты... Для своего удобства онъ не жалѣлъ денегъ. Кромѣ изряд- наго жалованья, онъ имѣлъ своихъ денегъ достаточно... Въ ку- бышку не укладывались, а лежали гдѣ-то въ банкѣ... Состоялъ онъ съ здѣшней мѣщанской дочерью, какъ самъ тогда говорилъ, и какъ нынче стали говорить, въ «гражданскомъ бракѣ». Такой бракъ, въ блаженныя старыя времена, назывался «сибирскимъ». Сибиряки наши, значить, первые его изобрѣли... Дешевый бракъ, на свадьбу не раззоряйся... Понравилась молодуха—ладно, не по- нравилась—прощенія просимъ. Звали эту «гражданскую женку» Алексѣева, по святому крещенію, Дарьей; мы же всѣ его товари- щи, любя ее, какъ и его, отъ чистаго сердца, звали ее, просто на-просто, Дарьюшкой-сударушкой. Ни она, ни онъ этимъ не обижались... Стоила она, чтобы ее любить,.. Во-первыхъ это бы- ла красавица въ полномъ смыслѣ, хоть аркадскому принцу въ

полюбовницы, бѣлая, румяная, сдобная, расту преобольшущаго. Толстая, темнорусая коса у ней до колѣнъ доставала. Такихъ косъ у нынѣшнихъ красавицъ не найдете. А глаза такъ и ошпаривали тебя, словно кипяткомъ, съ ногъ до головы... Во-вторыхъ, по характеру своему, она была подь-стать Алексѣву, такая же гостепріимная, общительная, шутливая и пріятная въ обращеніи... Только, конечно, образованія она не имѣла такого, какъ онъ, была себѣ простая и даже неграмотная дѣвка... Впрочемъ отъ нея разныхъ тамъ наукъ и парлефрансе не требовалось. Хотя у ней всегда имѣлась стряпка, но ей не сидѣлось дома. Какъ только утромъ Алексѣвъ отправится въ контору, она тотчасъ-же удержитъ къ матери, на Бѣлозерье*). Мать ея имѣла тамъ домишко. И просидитъ она у матери иногда до вечера, а иногда и до поздней ночи. Когда Алексѣвъ затаскивалъ насъ къ себѣ, мы рѣдко заставляли ее дома. Приходилось за нею посылать извозчика, потому что ключей отъ кладовой и шкафовъ она стряпкѣ не довѣряла. Все оказывалось запертымъ. Сердился Алексѣвъ и часто бранилъ ее за эти долги отлучки, но ничего не могъ съ нею подѣлать.—«Мнѣ скучно безъ тебя, милый, разлюбезный мой!—отзывалась она на его реприманды.—Вотъ я и ухожу себѣ къ мамѣ. А когда занадоблюсь, можешь послать. Извозчикъ не Богъ знаетъ, сколько стоитъ, и ты этимъ не раззорись».—«Вотъ и подите съ этой безшабашной, своенравной сибирячкой»,—проговорить Алексѣвъ, пожимая плечами. «Впрочемъ ей, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ скучновато одной, господа. Не думаю, чтобы она въ двадцать лѣтъ не могла обходиться безъ материней груди». Тѣмъ и кончалось... Разъ какъ-то, вскорѣ послѣ Рождества, наши уговорились вечеромъ итти ко мнѣ. У меня вотъ этотъ самый домишко имѣлся, хотя тогда я еще былъ холостой. Но Алексѣвъ настоялъ, чтобы итти непременно къ нему... Нечего было дѣлать, пошли. Приходимъ.—Дарьюшки-сударушки, по обыкновению,—тю-тю.—«Какъ ушла съ утра, такъ и не приходила»,—отрапортовала стряпка. Надо было за ней посылать. На бѣду всѣ

*) Часть города.

мы пришли пѣшкомъ, ни у кого лошади съ собой не имѣлось. Алексѣевъ приказалъ стряпкѣ ставить поскорѣе самоваръ, а самъ отправился во дворъ на хозяйскую кухню, чтобы попросить хозяйскаго работника сбѣгать за извозникомъ. На кухнѣ онъ засталъ самого хозяина дома.—«На что вамъ посылать за извозникомъ,—говорить онъ Алексѣеву,—когда у меня во дворѣ пѣганка запряженный стоитъ. Только кошевка простая, а не выѣздные санки. Сами-ли намѣрены ѣхать, али послать за кѣмъ хотите?»—«Мнѣ надо послать на Вѣлозерье»—сказалъ ему Алексѣевъ.—«Такъ вотъ, работникъ мой и сбѣздитъ. Оболокайся парень»... Алексѣевъ поблагодарилъ хозяина и воротился къ намъ. Вскорѣ пришелъ и работникъ въ черной собачьей дохѣ. Въ рукахъ у него была большущая бѣлая черкесская папаха, купленная имъ на толгучкѣ у какого-то сосланнаго черкеса.—«Куда и за кѣмъ прикажете ѣхать?»—спрашиваетъ работникъ.—«Сейчасъ я выйду,—говорить ему Алексѣевъ.—Подожди, любезный, на минуточку»... Когда работникъ вышелъ, Алексѣевъ и говорить намъ:—«Господа, мнѣ въ голову пришла одна гениальная мысль.»—«Какая такая?»—спрашиваемъ мы.—«Я отучу Дарьюшку шляться до поздней ночи и заставлю ее приходить домой всегда засвѣтло... Я устрою надъ нею одну штуку.»—«Что это за штука?»—стали мы допытываться.—«Теперь ничего вамъ не скажу, узнаете послѣ, только смотрите Дарьюшкѣ послѣ не проболтайте.»—«Хорошо!»... Была у Алексѣева палка изъ толстой желѣзной проволоки. Вотъ онъ эту палку согнулъ въ крюкъ, а на одномъ концѣ этого крюка прикрѣпилъ длинную и крѣпкую бечевку. Смотримъ мы со стряпкою на эти приготовления, посмѣиваемся, но никакъ не можемъ уразумѣть, что изъ этого выйдетъ, какое отношеніе имѣетъ это къ Дарьюшкѣ. Крюкомъ что-ли онъ собирается ее тащить отъ мамы...—«Сидите господа, я сейчасъ буду»,—сказалъ намъ Алексѣевъ и выбѣжалъ на дворъ съ крюкомъ, безъ шубы и безъ шапки... Сидимъ мы посиживаемъ, ждемъ поджидаемъ,—нѣтъ нашего штукாரя Алексѣева. Самоваръ у стряпчи давно уже поспѣлъ, а посуда, чай и сахаръ заперты. Хотѣли было нѣкоторые изъ насъ улепетывать, да побоялись огорчить Алексѣева. Наконецъ

онъ является, безъ крюка, и какъ будто чѣмъ-то смущенный.—
«Дарьюшка нѣтъ?»—спросилъ онъ.—«Нѣту!»—отвѣчаемъ ему.—
«Куда же это она запропастилась?»—«Господь ее знаетъ. А ты
самъ гдѣ же былъ?»—«Я?.. Гмъ!.. Со мною, господа, произошла
штука!»—«Ха, ха, ха!»—захохотали мы всѣ. Вотъ такъ хорошо!
Собирался надъ Дарьюшкой устроить какую-то штуку, а штука
надъ нимъ самимъ состроилась... Чудно!»—«Дѣйствительно чудно,
господа. Но что прикажете дѣлать? Злой фатумъ какой-то вмѣ-
шался въ мою затѣю».—Вдругъ появляется Дарьюшка.—«Ты гдѣ
была такъ долго?»—спрашиваетъ ее Алексѣевъ.—«Гдѣ была, тамъ
меня ужъ нѣтъ»,—отвѣчала плуть-дѣвка.—«Однако-же?»—«Извѣст-
но гдѣ, у мамы засидѣлась».—«А я думалъ, что съ тобою какая
нибудь напасть приключилась».—«Что со мною можетъ приклю-
читься?.. Нетрусливаго я десятка и не маленькая».—«Ну, такъ,
храбрый мой гренадеръ въ юбкѣ, раздѣвайся поскорѣе и пой насъ
чаемъ. Мы смерть чаю пить хотимъ».—Дарьюшка раздѣлась и вско-
рѣ появился чай, а при немъ ромецъ и коньячокъ. Но едва мы
успѣли отпить до половины стаканы, какъ нагрянуль полиціймей-
стеръ, частный, кварталный, нѣсколько понятыхъ и городскихъ.
Полиціймейстеромъ былъ тогда Любимовъ, бѣдовый, скажу вамъ,
даромъ, что на видъ неповоротливый. Съ гражданами былъ очень
обходителенъ, но своимъ подчиненнымъ спуску не давалъ. За круп-
нымъ словомъ въ карманъ не лазилъ.—«Ого, тутъ цѣлая шай-
ка»,—проговорилъ полиціймейстеръ въ полголоса, обращаясь къ
приставу.—«Вся на лицо, какъ есть, ваше высокоблагородіе»,—ото-
звался довольно громко кварталный.—«Я давно за ней зорко слѣ-
дилъ».—«Кто вы такіе, господа?»—спросилъ насъ полиціймейстеръ,
входя въ залъ и не снимая теплой шинели.»—«Служащіе Аста-
шева!»—отвѣчали мы въ одинъ голосъ.—«Гмъ!.. А кто изъ васъ
г. Алексѣевъ?»—«Я!»—отвѣчалъ петербуржецъ. Полиціймейстеръ
долго и пристально смотрѣлъ на него своими большими сѣрыми
глазами. Наконецъ говоритъ:—«Вы кажется и хозяинъ этой квар-
тиры?»—«Такъ точно, г. полиціймейстеръ, квартира эта состоитъ
за мной вотъ уже два года».—«Вы ѣздили незадолго передъ этимъ
въ кошевѣ, запряженной пѣгой лошадыю?»—«Ѣздилъ».—«Были

ли на васъ собачья черная доха и бѣлая черкесская папаха»?— «Такія точно доха и папаха были на мнѣ». — «Гмъ! значить и эта штука принадлежитъ вамъ»?— Тутъ полиціймейстеръ вынулъ изъ-подъ полы шинели крюкъ съ бечевою. Алексѣевъ улыбнулся, но это не была его обычная, задушевная улыбка, а какая-то бислая гримаса, которую и описать вамъ не могу. Онъ молчалъ. — «Говорите-же, ваша»?— допрашивалъ полиціймейстеръ. — «Не могу отрицать, моя», — отозвался онъ, наконецъ. — «Самъ я ее смастерилъ». — «Что вы дѣлали съ нею»?— «Шутку шутилъ, г. полиціймейстеръ». — «Хорошая шутка! Ха, ха, ха! Людей на крюкъ ловить... Приставъ, пишите постановленіе. Г. Алексѣевъ, какъ видно, не намѣренъ заператься и дѣлаетъ чистосердечное признаніе... Но, господа, вы кушаете чай, я вамъ не мѣшаю и попрошу для себя стаканчикъ... съ вашей дикой затѣей, чортъ бы ее побралъ, и у меня въ горлѣ пересохло»... Приставъ расположился у одного изъ столиковъ, вынулъ изъ портфеля бумагу—перо и чернильницу ему подаль Алексѣевъ—и началъ строчить. Полиціймейстеръ, снявъ шинель, усѣлся около другаго столика. Квартальный подошелъ къ приставу и началъ ему въ полголоса объяснять. Слышали мы только урывками, о какой-то шайкѣ злоумышленниковъ, за которую будто слѣдилъ онъ, квартальный, съ давнихъ поръ и наконецъ ее накрылъ. Больше ничего не могли мы разобрать. Глядимъ мы другъ на друга, пожимаемъ плечами, и рѣшительно не знаемъ, что и подумать, что такое случилось... Но господа, у меня и самого, какъ у полиціймейстера Любимова, горло пересохло и необходимо его промочить. Чай, и вы не откажетесь сопутствовать мнѣ къ столу?.. Всѣ бросились за старичкомъ къ наливкѣ, къ столу, да пошли бы за нимъ и куда угодно, такъ всѣхъ заинтересовалъ его рассказъ.

— Что же папаша, случилось?—отозвалась первая хозяйка дома, сгорая отъ любопытства и нетерпѣнія не менѣе другихъ.

— Вотъ что случилось... Алексѣеву, какъ вѣроятно вы уже догадались, хотѣлось напугать Дарьюшку, напугать такъ, чтобы она не могла догадаться, что это онъ, и приняла бы его за какого-либо разбойника, что конечно могло-бы отбить у ней охоту

шляться позднимъ временемъ. Для этого онъ и сдѣлалъ крюкъ съ бечевой. Мысль эта дѣйствительно пришла ему въ голову, когда явился хозяйскій работникъ въ дохѣ и съ черкесской папачой. Выбѣжавъ съ крюкомъ во дворъ, Алексѣевъ взялъ у работника его доху и папачу и самъ отправился за Дарьюшкою. Обыкновенно брела она домой отъ матери оврагомъ, который нынѣ называется «кузнечнымъ рвомъ»... Лѣтомъ тамъ ѣздить невозможно было, только зимою... Вотъ онъ и поѣхалъ къ оврагу, думая, не попадетъ-ли она ему тамъ навстрѣчу. На ней была весьма примѣтная шубка—красная, отороченная горностаемъ, какія тогда носили. И какъ разъ случилось, что Дарьюшка попала въ Алексѣеву въ самомъ оврагѣ. Миновавъ ее аршина на два, онъ быстро обернулся и закинулъ на нее крюкъ и такъ ловко, что сразу ее закружилъ. Крюкъ попалъ ей подъ мышку, лошадь тронулась далѣе, и Дарьюшка—брякъ на снѣгу и потащилась за кошевкой по снѣгу. Но вдругъ опомнилась, привскочила, собрала свою силушку, а силушки у ней хватило бы на трехъ Алексѣевыхъ, схватила обѣими руками за веревку, да и давай кричать «караулъ!» Мало того, она начала приостанавливать и кошевку и по бечевкѣ чуть-чуть не добралась до самаго «икрючника». Видитъ Алексѣевъ, что дѣло плохо съ этой безшабашной сибирячкой, выпустилъ изъ рукъ бечевку и помчался къ Бѣлозерью. На крикъ Дарьюшки изъ ближняго дома, на горѣ, высыпала толпа мужчинъ и женщинъ. Тамъ праздновалась свадьба, женился столначальникъ городской полиціи. Шаферомъ былъ у него квартальный. Молодые только что пріѣхали отъ вѣнца, когда случилась исторія съ Дарьюшкою. Само-собою разумѣется, что на мѣсто происшествія, изъ мужчинъ, первый приближалъ квартальный. «Происшествіе неслыханное, происшествіе небывалое, происшествіе феноменальное!»—кричалъ онъ, разспросивъ Дарьюшку о случившемся и потрясая крюкомъ съ бечевкой, отнятымъ ею у страшнаго черкеса, котораго она описала, не жалѣя всевозможныхъ красокъ.—Квартальный тотчасъ же усадилъ Дарьюшку въ сани одного изъ поѣзжанъ и отправился съ нею къ полиціймейстеру. Тотъ и самъ ужаснулся. Полиціймейстеръ тотчасъ же распоря-

дился разослать всѣхъ полицейскихъ и казаковъ (тогда при полиціи состояли и казаки) на выѣзды городскіе, съ цѣлю карать кошевку, потому что поддѣтыхъ на крюкъ, вѣроятно, станутъ грабить за городомъ, а не въ городѣ. Дарьюшку же съ квартальнымъ послалъ въ полицію для снятія съ нея надлежащаго допроса.—Алексѣевъ, ничего этого не зная, благополучно себѣ доѣхалъ до Бѣлозерья, потомъ заворотилъ лошадь, но не поѣхалъ уже черезъ оврагъ, а по Почтовой улицѣ, и спустился съ Воскресенской горы, около католической церкви. Затѣмъ направился домой, по Магистратской улицѣ. Квартира его была, не доѣзжая Сѣнной нынѣшней части, въ переулкѣ. На Магистратской же улицѣ номѣщалась и полиція, въ длинномъ деревянномъ домѣ Батурина. На мѣстѣ его построены нынѣ большой каменный домъ. Когда Алексѣевъ поравнялся съ полиціей, словно на грѣхъ, вышелъ тотъ самый квартальный, который докладывалъ о необываломъ, неслыханномъ, феноменальномъ происшествіи. Увидѣвши кошевку съ мнимымъ черкесомъ, онъ бросился къ ней съ крикомъ: «стой разбойникъ, стой грабитель!» Но Алексѣевъ ударилъ по лошади и былъ таковъ. Раздались крики: «держи, лови!» Прохожіе останавливались съ недоумѣніемъ, но никому не было охоты задержать ужаснаго черкеса, мчавшагося во всю прыть. Повернувъ въ свой переулокъ, Алексѣевъ вѣхалъ въ ворота, которые въ ожиданіи его, оставались открытыми, быстро ихъ заперъ, сбросилъ съ себя доху и папаху въ кошевку, а самъ пришелъ къ намъ, предполагая, что Дарьюшка уже дома. Квартальный добѣжалъ до переулка и остановился. Кошевка исчезла. Какой-то проходящій указалъ ему, что кошевка черкеса вѣхала во дворъ. Квартальный пришелъ во дворъ и увидѣлъ, что кошевка съ пѣгой лошадью стоитъ во дворѣ, а въ ней лежатъ черная собачья доха и бѣлая черкесская папаха. Онъ отправился на кухню и началъ спрашивать: кто ѣздилъ въ кошевкѣ, дохѣ и папахѣ? Работникъ, ничего не зная, сказалъ, что ѣздилъ квартирантъ, служащій Асташева, Алексѣевъ, но куда и зачѣмъ—не знаетъ. На вопросъ квартальнаго: не было-ли чего-либо при немъ?—работникъ объяснилъ, что видѣлъ какой то «струментъ», похожій

на крюкъ съ веревкою. Квартальный узнавъ, что въ квартирѣ Алексѣева собралось съ десятокъ человекъ, которые постоянно у него бывають и кутяють, тотчасъ же сдѣлалъ предположеніе о цѣлой шайкѣ, доложивъ объ этомъ полиціймейстеру. Нужно вамъ сказать, господа, что полиціймейстеръ Любимовъ зналъ очень хорошо, гдѣ зимуютъ раки, и служащихъ, особенно Асташевскихъ, въ обиду не давалъ.—«Не можетъ быть, чтобы эти штуки дѣлали присковные служащіе»,—сказалъ онъ.—«Тамъ народъ болѣе или менѣе порядочный. Особенно Асташевскіе».—«Ваше высокоблагородіе, можете сами воочию убѣдиться. Вѣдь изъ кошевки еще не выпряжена пѣгая лошадь, доха же черная собачья и бѣлая чербесская папаха лежать въ кошевѣ. Не достаетъ только крючьевъ, которые вѣроятно припрятаны».—«Ну, если ты совралъ, тогда пеняй на себя!.. Лошадей, пристава, понятыхъ, городскихъ! и ты маршь съ нами!»—Вотъ такимъ образомъ и нагринула къ Алексѣеву вся полиція. Когда полиціймейстеръ потребовалъ чаю, Дарьюшка сама вышла съ подносомъ, на которомъ стоялъ налитый для него стаканъ, сахарница, графинчикъ съ ромомъ. Полиціймейстеръ, принявъ стаканъ и накладывая сахаръ, посмотрѣлъ на нее, и наконецъ узналъ, что это та самая, которую «закрючили». Онъ подумалъ, что и она сама принимала участіе въ розыскахъ.—«А! и вы сюда пожаловали? Напрасно безнокоились сударыня. Обидчикъ вашъ вполнѣ сознался, не запирается, и я думаю обойдется и безъ очной ставки».—«Я вѣдь и сама здѣсь живу»,—отвѣчала Дарьюшка... «Какъ здѣсь? Съ кѣмъ?»—«Да съ г. Алексѣевымъ».—Тутъ она немножко потупилась и покраснѣла. Полиціймейстеръ, словно ошпаренный, привскочилъ съ кресла.—«Вы съ г. Алексѣевымъ?»—«Два года я въ его квартирѣ на правахъ полной хозяйки состою».—Большіе глаза полиціймейстера, казалось, такъ и хотѣли выскочить.—«Да что же это такое въ самомъ дѣлѣ творится?»—произнесъ онъ, наконецъ, опускаясь въ кресла.—«Объясните хоть вы мнѣ, господа, что это за мистификація?.. (онъ обратился къ намъ). Николай Алексѣевъ поддѣваетъ на крюкъ, яко-бы, съ цѣлю грабежа и разбоя, мѣщанскую дочь Дарью Савину... а Дарья Савина живетъ два года съ Николаемъ Алексѣе-

вымъ и распоряжается его квартирой, а слѣдовательно и всѣмъ, на правахъ полной хозяйки... Ничего, ей Богу, не могу я тутъ понять». Мы, разумѣется, молчали, потому что ничего и сами не понимали. Дарьюшка, спасибо ей, насъ выручила.— «Тутъ никакой «стификаціи» нѣту, отозвалась она. Извините, господинъ полиціймейстеръ, выговорить не могу ваше мудреное слово.. Тутъ дѣло самое простое. Г. Алексѣевъ хотѣлъ меня напугать, чтобы я не шаталась поздними вечерами, для этого онъ сдѣлалъ крюкъ, нарядился черкесомъ, поѣхалъ мнѣ навстрѣчу и забросилъ крюкъ на меня. Я его не узнала и подняла тревогу. На крикъ мой прибѣжали люди и г. квартальный, а онъ убѣждалъ. Но по дохѣ, кошевкѣ и запахѣ его дослѣдили и, вѣроятно, сочли за какого либо лиходѣя, между тѣмъ... какъ онъ мнѣ... какъ я ему!..» Тутъ мы не дали ей докончить и разразились хохотомъ во все горло. Все непонятное, загадочное сдѣлалось яснымъ, какъ день. Хохоталъ полиціймейстеръ и понятые. Всѣмъ, какъ есть, было смѣшно.— «Какъ теперь прикажетесь постановленіемъ?»—спросилъ приставъ у полиціймейстера.— «А ну его къ дѣду!»—отвѣчалъ тотъ. «Я самъ, пожалуй, завтра напишу, а впрочемъ и писать то не стоитъ. Придется докладывать, что это ни болѣе ни менѣе, какъ простая шутка. Ха, ха, ха!»—«И довольна глупая шутка»—отозвался Алексѣевъ. Онъ все молчалъ, какъ преступникъ, неимѣющій ничего къ своему оправданію. Видно было, что это происшествіе сильно его огорчило.

—«Прощайте господа! А крюкъ все-таки позвольте мнѣ взять съ собою»,—проговорилъ полиціймейстеръ и уѣхалъ. Этотъ злополучный крюкъ былъ повѣшенъ на стѣнку въ присутствіи, и многіе граждане томскіе ходили нарочно въ полицію, чтобы посмотреть на него, какъ на нѣкую диковинку. Особенно гороховскіе скалили зубы. Проходу намъ отъ нихъ не было. Долго насъ, Асташевскихъ, честили *крючниками*. Въ городѣ только и разговоровъ было о крюкѣ. И можете-ли представить себѣ, господа?.. Не прошло пяти дней, какъ въ Томскѣ вечеромъ появились цѣлыхъ три кошевки, одна даже на парѣ, съ настоящими крюками, съ настоящими грабителями, и семерыхъ въ одинъ вечеръ

ограбили... въ томъ числѣ и самого Алексѣева, затѣйщика и инициатора икрюченья.

— Ха, ха, ха! раздалось кругомъ.

— Вы шутите, папаша! закричала хозяйка дома.

— Зачѣмъ мнѣ шутить? Истину говорю, вѣрь мнѣ.

— Да эта Дарья Савишна не та ли, которую звали «не вчерашней, а давишной»?

— Она самая. Она теперь гдѣ-то въ Енисейской губерніи обрѣтается, давно купчихой сдѣлалась... Утащили бѣднаго Алексѣева на Томь, раздѣли чуть не до гола и пустили. Къ счастью, былъ тогда теплый вечеръ, не то—пришлось бы ему плохо. Съ того вечера продолжалось икрюченіе чуть не до самой Пасхи. Бѣдная полиція изъ силъ выбивалась, но ничего не могла подѣлать. Попались было какой то заисточный*) татаринъ и бродяга киргизъ, сидѣли они въ острогѣ. Но икрюченіе не прекратилось. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы не появлялись икрючники...

Вотъ какъ, господа, простая и глупая шутка послужила образцомъ для самого возмутительнаго насилія. И вотъ съ какого именно времени пошло у насъ въ Томскѣ икрюченіе людей. Больше ничего не умѣю вамъ сказать. Судите себѣ тамъ, какъ знаете.

— А что же сдѣлалось съ Алексѣевымъ? ввернулъ кто-то.

— Я уже сказалъ, что его ограбили, въ числѣ первыхъ семи человекъ, попавшихся на «настоящій» крюкъ. Послѣ того онъ разсчитался и уѣхалъ въ Петербургъ несмотря на то, что ему предлагали довольно хорошее мѣсто. Сибирь ему опротивѣла и Дарьюшка тоже. Впрочемъ послѣдняя очень скоро утѣшилась.

Si non è vero, è ben trovato, подумалъ я, простившись съ хозяевами и спускаясь съ крыльца ихъ дома.

А впрочемъ чего не бываетъ на свѣтѣ?.. За невозможностію провѣрить лично все слышанное мною о началѣ икрючниковъ въ Томскѣ, я предоставляю это господамъ томскимъ сторожиламъ. Они только въ состояніи къ приведенному мною разсказу сдѣлать надлежащія комментаріи.

*) Истокъ: тоже часть города.

II. БОЙКАЯ СИБИРЯЧКА.

Быль второй часъ ночи, когда я возвращался на свою квартиру, на «Пескахъ»*), послѣ посѣщенія новаго театра Е. И. Королева. То перескакивая черезъ лужи и комья грязи, то осторожно взбираясь и еще осторожниѣ сползая по ступенямъ расчуденныхъ томскихъ тротуаровъ, на которыхъ того-и-гляди, или вывихнешь ногу, или свернешь шею, не только ночью, но даже и днемъ, кое-какъ добрался я до своей квартиры. Квартира эта находилась, и теперь еще находится, въ домѣ Альберта Петровича Жука, бывшаго польскаго дворянина, потомъ томскаго мѣщанина, домовладѣльца, мясного торговца и вновь дворянина, по Высочайшему манифесту 15 мая 1883 года.

Дернулъ я за ремешокъ въ калиткѣ (на звонки въ Томскѣ «положенія» не существуетъ),—калитка оказалась запертой или, вѣрнѣе, задвинутой тѣмъ же толстымъ засовомъ, которымъ закладываются и ворота.

Нужно знать, что природа надѣлила меня какой-то глупой совѣстливостію въ сношеніяхъ съ людьми, даже и съ тѣми, съ которыми не слѣдовало бы «особенно церемониться», какъ, напримеръ, «съ хозяевами квартиры», за которую платятся деньги. Очувшившись въ глухую ночь передъ запертой калиткой, я почувствовалъ себя въ довольно неприятномъ положеніи изъ-за того, что долженъ нарушить сладкій, быть можетъ, сонъ домохозяевъ, которые за то, что я шляюсь по ночамъ, не преминутъ въ душѣ послать меня къ чорту, а пожалуй и къ цѣлой тысячѣ чертей. И они будутъ правы. Я то же самое сдѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ.

Долго я стоялъ передъ калиткой, обдумывая свое положеніе, наконецъ, рѣшился постучать слегка. Въ отвѣтъ мнѣ цѣпной барбосъ заворчалъ съ просонокъ, и затѣмъ наступила тишина. Прождавъ минуты двѣ или три, я постучалъ опять, но сильнѣе. Барбосъ нѣсколько разъ взлаялъ, и—опять тишина. Что же это будетъ? подумалъ я. Вѣдь не ночевать же мнѣ на улицѣ, когда у

*) Часть города въ Томскѣ.

меня имѣется довольно сносная квартира, хотя и безъ «стола», но съ самоваромъ, подаваемымъ мнѣ два, а иногда и три раза въ день. Правда, самоваръ мнѣ преподноситъ сама хозяйка дома, жена дворянина Марфа Ивановна Жукъ, но я не виноватъ, что она изъ скупости, а можетъ-быть и изъ нелишней экономіи, не держитъ ни горничной, ни стряпки. Да если бы мнѣ прислуживала и сама божественная Геба, то и это не давало бы мнѣ повода вочевать на улицѣ... Рѣшено! Я принялся колотить изо всей силы. Добрѣйшій барбось началъ мнѣ помогать отвратительнѣйшимъ воемъ, на который способны только «сибирскія» собаки—эта помѣсь пса и волка. Наконецъ, послышались сначала скрипъ сѣнной двери, потомъ тяжелое шлепанье по грязи во дворѣ, и вдругъ звонкій, но сердитый женскій голосъ окликнулъ: кто тамъ?

Господи! Вѣдь это голосъ самой Марфы Ивановны Жукъ! Тутъ я вспомнилъ, что мужа ея не было дома, — онъ два дня тому назадъ уѣхалъ по деревнямъ за покупкою скота—а я ушелъ изъ квартиры, помѣщающейся отдѣльно наверху, въ мезонинѣ, не предупредивши хозяйку. Я готовъ былъ уобъжать, но опомнился и назвалъ себя.

Калитка отворилась.

— Извините, Марфа Ивановна, пробормоталъ я, что мнѣ пришлось обезпокоить васъ. Развѣ Сергѣя вашего (онъ и приказчикъ, и работникъ, и дворникъ, и водовозъ) нѣтъ дома?

— О! его, батюшка, не добудишься ночью, хоть изъ пушки надъ нимъ пали!.. А я и не замѣтила, какъ вы улизнули, не знала, что васъ нѣтъ. Вы, должно быть, долго стучались... Долго? Говорите правду.

Гмъ! Правду тебѣ сказать! Какъ-бы не такъ!.. Человѣкъ своимъ положеніемъ въ обществѣ подобныхъ себѣ отличается отъ животныхъ тѣмъ, что ему приходится лгать, притворяться и лицемерить. Сами посудите: что бы было съ чудачкомъ, который вздумалъ бы рѣзать правду-матку въ глаза и за глаза всѣмъ и каждому. Мнѣ кажется, что положеніе этого чудака было бы не слишкомъ завидное.—Вотъ и я солгалъ. На вопросъ Марфы Ивановны о томъ, долго-ли я стучалъ? мнѣ слѣ-

довало, по совѣсти, сказать: добрыхъ полчаса! Но я сказалъ: самую малость!

— Впрочемъ,—прибавилъ я,—если бы мнѣ пришлось и долго стучать, то это ничего не значить. Мнѣ досадно только то, что долженъ былъ потревожить васъ самихъ, многоуважаемая Марфа Ивановна!..

— Пустяки, батюшка, отвѣчала Марфа Ивановна. Я не нѣженка, не барыня какая-либо, хотя мужъ и увѣряетъ меня, что я теперь какая-то дворянка сдѣлалась, да еще и столовая. Ха, ха, ха! Слава Богу, что я услышала, а то бы вамъ не достучаться и до утра, Сергѣя вы ни за что не подняли-бы. Этакого сони я и не видывала еще...

Въ эту минуту Марфа Ивановна, если бы даже была уродомъ, показалась бы мнѣ претличной женщиной. Да она и въ дѣйствительности была славная женщина. Какъ хозяйка, она относилась ко мнѣ, своему квартиранту, крайне внимательно и предупредительно—черта весьма рѣдкая у томскихъ домохозяевъ и домохозяекъ. Какъ женщина, она была очень красива—тоже рѣдкость въ Томскѣ. Впрочемъ, это дѣло вкуса, а *de gustibus non est disputandum*—говоритъ пословица... Особенно обаятельной показалась мнѣ Марья Ивановна, когда мы вошли съ ней въ прихожую, и она взяла въ руку свѣчу, зажженную ею ранѣ, и хотѣла освѣтить лѣстницу, ведущую наверхъ въ мои апартаменты изъ прихожей, но освѣтила, кажется, болѣе собственную свою персону, чѣмъ лѣстницу.

Я и ранѣ любовался ея простымъ, но милымъ русскимъ лицомъ, со вздернутымъ носикомъ, яркимъ румянцемъ, карими, какъ смородинки, глазами и нетронутымъ (въ 32 года жизни) пурпуромъ сочныхъ губъ. Но почему-то именно теперь только разсмотрѣлъ я ее вполнѣ. Распахнувшаяся ситцевая кофта и концы большой красной наброшенной сверху на голову шерстяной шали не скрывали роскошныхъ формъ ея бюста и толстыхъ прядей золотистыхъ волосъ, изъ расплетшихся косъ. Стройная ея фигура неволью приковала къ себѣ мои взоры... Ей и въ голову не приходило, что теперь она въ своемъ дезабилье въ ты-

сячу разъ лучше, чѣмъ въ полномъ нарядѣ, въ шумящемъ атласномъ платьѣ малиноваго цвѣта, въ которомъ она красовалась передо мною, возвратясь изъ церкви и пригласивъ меня внизъ къ себѣ на чай, по случаю праздника Покрова въ этотъ день, именно въ 1 октября 1885 года.

Признаюсь, въ головѣ у меня зарождались фривольныя мысли, и я чуть не сдѣлалъ поползновенія заслужить отъ Марфы Ивановны прозвище «озорника» и вдобавокъ еще «старого», но, призвавъ на помощь благоразуміе, я ограничился лишь тѣмъ, что еще разъ извинился передъ Марфой Ивановной за причиненное мною безпокойство и, пожелавъ ей пріятнѣйшихъ сновидѣній, пожалъ ея пухлую руку съ такимъ горячимъ чувствомъ, съ какимъ никогда еще не пожималъ.—Догадалась-ли она о томъ, что во мнѣ происходило? Не знаю, но полагаю, что догадалась, потому что и у ней рука замѣтно дрогнула.

Чортъ возьми! началъ я разсуждать съ самимъ собою, раздѣвшись и закутываясь въ одѣяло. Зачѣмъ такія видныя женщины, какъ Марфа Ивановна, достаются такимъ невзрачнымъ мужчинамъ?.. Этотъ Альбертъ Петровичъ Жукъ—черномазый, худощавый, одна кожа да кости... А она?.. Настоящая Венера, только не милосская, сухопарая Венера, а чисто русская, сочная, дебелая... Разница между этой супружеской четой и въ умственномъ отношеніи великая. Онъ человѣкъ серьезный и довольно развитый. Съ нимъ можно обо всемъ, даже и о Бисмаркѣ поговорить, а она простая, необразованная и вѣроятно неграмотная деревенская женщина... И этикія двѣ противоположности сошлись какимъ-то чудомъ, живутъ себѣ въ мирѣ, согласіи и, пожалуй, въ любви... Она его называетъ: «мой Жучокъ», а онъ ее: «душка мила», и этакъ всю жизнь еще проживуть. А ты, старый холостякъ, гляди на нихъ и...

Я готовъ согласиться съ Шопенгауеромъ,—этимъ страшнымъ циникомъ въ «дѣлахъ по любовной части», что въ непостижимомъ сближеніи «Жучка» и «душки милой» играетъ роль «законъ взаимнаго притяженія контрастовъ». Вѣдь изобрѣтенный

Шопенгауеромъ «геній рода» только и хлопочеть о томъ, чтобы посредствомъ сближенія противоположностей исправить пробѣлы, поддержать равновѣсіе и плотнѣе населить хлѣвъ, называемый человѣческимъ міромъ. Здѣсь дѣло идетъ не просто о наслажденіи или страданіи, чисто индивидуальныхъ, какъ во всѣхъ другихъ интересахъ жизни, а о существованіи и самомъ «качествѣ» рода человѣческаго будущихъ временъ... Съ первой встрѣчей страстныхъ взглядовъ двухъ влюбленныхъ загорается жизнь будущей индивидуальности, имѣющей произойти отъ слиянія ихъ въ бракъ... Если такъ, почему же у господина и госпожи Жукъ дѣтей не было и нѣтъ?.. Должно быть «геній рода» ошибся, если только возможно такому ловкому и тонкому политику, какимъ его изобразилъ франкфуртскій отшельникъ, ошибаться... Но я забываю, что Марфа Ивановна, кромѣ реальной, чувственной и здоровой красоты, обладаетъ еще чисто-дѣтской веселостію, навивной болтливостію и сердечной добротой. Это весьма рѣдкія достоинства въ женщинахъ, какъ рѣдка у мужчинъ бодрая и веселая старость, способная воодушевляться и воодушевлять молодость... Достоинства эти выпадаютъ на долю немногихъ женщинъ и, благодаря имъ, женщины, несмотря даже на ограниченное умственное развитіе, приковываютъ къ себѣ великихъ людей и поэтовъ, какъ напримѣръ Байронъ, Гейне. Вотъ въ чемъ и заключается очарованіе. Оно-то вѣроятно и понудило Альберта Петровича Жука предпочесть эту деревенскую красавицу разнымъ кисейнымъ барышнямъ съ ихъ кислосладкими привязанностями. Сколько разъ случалось мнѣ встрѣчать браки, даже между простыми людьми, въ которыхъ въ продолженіе не только десятилѣтней, но и всей жизни, сохранялись чувственные отношенія (это основаніе всякой любви) во всей ихъ чарующей и привлекающей силѣ... Все тутъ зависѣло отъ умѣнья женщины разнообразить супружескую жизнь обмѣномъ шутки, угодливости и взаимной веселости, для чего не требовалось большого ума... Такія женщины никогда не надоѣдаютъ своимъ мужьямъ, не упадаютъ духомъ, и связь съ ними мужчины, даже и самаго развитаго, можетъ рассчитывать на постоянное удовольствіе... Нѣтъ ни-

чего хуже между женщинами, какъ такъ называемыя «брюзги» и «печальницы». Эти несчастныя, ничѣмъ не удовлетворяясь сами, тоскуютъ и наводятъ тоску на мужа и даже отравляютъ жизнь себѣ и другимъ. Но если Марфа Ивановна могла приворожить къ себѣ урода Альберта Петровича Жука, то это все-таки не рѣшаетъ вопроса, какими чарами приворожилъ къ себѣ уродъ, Альбертъ Петровичъ Жукъ, Марфу Ивановну?.. Случаи, въ которыхъ мужчина влюбляется въ очень некрасивую женщину, происходятъ, вѣроятно, тогда, когда всякій ея физическій недостатокъ соотвѣтствуетъ противоположности его недостатковъ и такимъ образомъ устраняетъ передачу ихъ потомству. То же самое должно случаться и съ женщинами... Но я опять возвращаюсь къ противному Шопенгауеру. Къ чорту всѣхъ метафизиковъ!.. Лучше уснуть!

Вопросъ о чарахъ Альберта Петровича Жука, пускай, останется открытымъ... И я уснулъ. Но метафизика и во снѣ не дала мнѣ покою. Я увидѣлъ себя на какомъ-то островѣ, мѣстополюженіе и названіе котораго вы не найдете ни въ одной географіи. Вѣроятно этотъ островъ, если существуетъ,—то на какой-нибудь другой планетѣ. Но онъ былъ не пустой, а населенный довольно густо, и населеніе его, состоявшее изъ существъ тождественныхъ съ нами, повидимому, блаженствовало, потому что я видѣлъ и засѣянные поля, и буйныя хлѣба, и прекрасныя сады, и чудесныя виллы. Избушекъ же, на куриныхъ ножкахъ, и лачугъ, въ родѣ землянокъ, не попадалось мнѣ ни одной. Въ городахъ же (впрочемъ, мнѣ пришлось посѣтить только одинъ городъ), я убѣдился, что тамъ процвѣтаютъ и солидная наука, и блестящая литература, и различныя учрежденія, однимъ словомъ все почти такъ, какъ и на нашей планетѣ. Только одинъ законъ показался мнѣ очень страннымъ и непонятнымъ. Такой законъ могъ присниться только человѣку, мысленно передъ сномъ согрѣшившему противъ десятой заповѣди. Законъ этотъ, изволите-ли видѣть, обязывалъ мужчинъ, желающихъ соединиться неразрывными брачными узами, избирать себѣ подругъ только изъ женщинъ самыхъ безобразныхъ и уродливыхъ. Всѣ же женщины, начиная съ такъ себѣ и мало-мальски, смазливыхъ, до первѣйшихъ

красавицъ, должны были вести жизнь безбрачную и принадлежать (конечно не по принужденію, а по естественному влеченію) господамъ холостякамъ, въ числѣ которыхъ и я очутился. Не думайте, однако, чтобы безобразныя или уродливыя женщины оставались тамъ одинокими. У каждой имѣлся мужъ. Какимъ образомъ онѣ успѣвали обдѣлывать свои дѣлишки—это составляло ихъ секретъ. Но обратимся ко мнѣ. Въ то время, когда я готовъ былъ, очертя голову, броситься въ водоворотъ сладостныхъ «впечатлѣній бытія», откуда ни взялось передо мною криворотое, горбатое и съ огромнѣйшими очками на носу, чудовище женскаго пола, называемое одними госпожей Философіей, другими госпожей Метафизикой, а третьими госпожей Ерундой. И представьте себѣ—это чудовище безъ всякихъ чаръ, а только съ помощію чертовскаго умозрѣнія и дьявольской діалектики, до того отуманило мой мозгъ, что я невольно увлекся и мигомъ очутился... въ брачныхъ узищахъ!.. Когда же я опомнился, то было уже поздно. Законъ оказался неумолимымъ. Приходилось мнѣ на «праздникѣ жизни», словно на маскарадѣ, разгуливать подъ руку съ неотвязчивой, степенной супругой, искоса поглядывать на шалости и блаженство холостыхъ, тайкомъ любоваться на недоступныя для меня прелести и тушить тайный жаръ желаній «метафизическимъ мороженымъ» различнаго сорта, на которое не скупилась моя благовѣрная... Прескверный сонъ, а положеніе и того сквернѣе...

Часу въ десятомъ утра Марфа Ивановна, по обыкновенію, заявила ко мнѣ съ самоваромъ. Я пригласилъ ее откушать со мною чаю. Она не отказалась.

— Гдѣ это вы вчера загуляли? спросила она, смотря на меня своими добрыми, ласковыми глазами. Никогда такъ поздно не приходили. А главное не сказали, что уходите. Можно-ли такъ дѣлать? За это съ васъ штрафъ надо взыскать... Нѣтъ... Я иначе съ вами распоряджусь. Въ другой разъ ни за что не пущу... Вотъ что!

— Я былъ у одного знакомаго, а оттуда затащили меня въ театръ, Марфа Ивановна.

— Что же, весело время провели?

— Не слишкомъ.

— Хорошо-ли тамъ комедь ломали?

— Да «ломали» великолѣпно... А вы бываете въ театрѣ Марфа Ивановна?

— Случалось...

— Нравится-ли вамъ театръ?

— Не знаю, право, какъ вамъ сказать... Многого я тамъ не понимаю... Мнѣ кажется, что тамъ хотять представлять жизнь въ точности, какъ она есть... Но далеко куцому до зайца!.. Въ жизни не такъ бываетъ, какъ на театрѣ представляютъ: черезъ чуръ уже прикрашиваютъ... Насмотрѣлась я тамъ, какъ жены обманываютъ мужей, и мужья женъ... Ну, да это искусство, я думаю, мужья и жены и безъ театру знаютъ «оченно» хорошо.

— А вамъ чего же надо было бы еще? На такихъ обманяхъ весь супружескій міръ вертится?

— А вотъ, какъ у насъ мужья женъ бьютъ, какъ заколачиваютъ ихъ на смерть,—того не представляютъ... Если бы это представляли, такъ, можетъ быть, у другихъ и руки на жену не подымались-бы... Стыдно, можетъ быть, сдѣлалось-бы... У насъ, батюшка, битье женъ такъ вселилось въ народѣ, что считается самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и, почитай, что закономъ. Поживите-ка въ нашихъ деревняхъ, присмотритесь со стороны, и у васъ сердце оболбеться кровію... По-моему, нѣтъ на свѣтѣ несчастіе созданія, какъ наши замужня женщины, особенно въ простомъ народѣ.

— Съ этимъ согласенъ былъ и Некрасовъ, подумалъ я и самоувѣреннымъ тономъ прибавилъ:—это, Марфа Ивановна, происходитъ отъ того, что народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ.

— То есть, вы хотите сказать, что онъ темный, неграмотный, неученый. Такъ ли?

— Да! Больше ничего не приходится сказать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого! У насъ во флигелѣ квартировалъ чиновникъ,—человѣкъ, вѣроятно, образованный, потому что раньше учителемъ былъ.. И что же? Онъ чужъ не каждый

день колотилъ свою жену. А женщина-то она была какая хорошая!.. Онъ ея подметки не стоилъ. Бѣдняжка! Часто у насъ отъ побоевъ пряталась... Разъ мы даже полицію призвали, думали онъ ее совсѣмъ на смерть уकोкошить. Взвѣлся онъ на насъ за это... У, у! какъ взвѣлся!.. Я васъ, говорить, подь судъ упеку. Какъ вы смѣете вмѣшиваться въ дѣла мужа съ женой? Вы развѣ не знаете, что мнѣ надъ нею дана власть отъ самого Бога? Хочу—казню, хочу и помилую, и никому до этого дѣла нѣтъ... Что тутъ съ нимъ станешь толковать?.. подумали мы съ мужемъ, да и отказали ему отъ квартиры... Переѣхалъ онъ за Истоку^{*}), и я слышала—бѣдная женщина въ землю уже ушла отъ «мужичиной власти»... Недалеко ходить, вотъ, напримѣръ, у меня сродная сестра была, тихая, скромная женщина, Софья Павловна. Любила я ее, какъ родную сестру. Замужъ ее выдали почти въ одно время со мною. Ушла она въ семью, считавшуюся зажиточной... Семья эта состояла изъ отца, матери и трехъ сыновей. Двое уже были женаты. Видъ у всѣхъ былъ какой-то угрюмый. Слова ласковаго у нихъ крючкомъ не вытянешь... А такъ какъ они не пьянствовали, ни у кого не одолжались и работниковъ не держали, а сами съ бабами по хозяйству управлялись, то и считали ихъ богачами, только скупыми... Софья Павловна была хотя не лѣнивая, но какая-то хлипкая. Въ ея рукахъ не могло дѣло спориться, какъ въ лапахъ здоровенныхъ невестоекъ. И что же вы думаете? Били ее всѣ, и мужъ, и свекоръ, и свекровь, и невестки, били не для того, чтобы поучить, а для того единственно, чтобы скорѣе отдѣлаться и на ея мѣсто взять другую, болѣе годную работницу... Ну и взяли черезъ шесть недѣль, какъ схоронили Софью Павловну, бабищу, которую хоть въ соху запригай. И не могутъ нахвалиться ея удалью... Звѣри, а не люди!.. У нашихъ крестьянъ, батюшка, женщина цѣнится наравнѣ со скотиной. Имъ ни красоты, ни любви, никакого человѣческаго чувства не надо, только работай до упаду... И отъ того у нихъ все прахомъ идетъ... Только кабаки процвѣтаютъ... Все у насъ такъ. Мужъ, вернувшись съ поля, вмѣсто того чтобы съ женою

^{*}) Часть города въ Томскѣ.

душа въ душу поговорить, али позабавиться, поровить поскорѣе забраться въ кабакъ, а напившись, начинаетъ привередничать, или браниться... Какое же тутъ хорошее житье можетъ происходить?.. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, довелось намъ съ мужемъ больше году жить между татарами. Вы знаете сами, что такое татаринъ. Такой же неучъ, необразованный, какъ и нашъ крестьянинъ. Вдобавокъ еще и некрещеный. А посмотрите, какъ татары живутъ съ женами, даромъ что у нихъ не то, что одну, а двѣ, или три можно заразъ держать. Въ этой благодати для нихъ запрета нѣтъ. Мужъ мой служилъ писаремъ въ инородной управѣ. И я познакомилась почти со всѣми татарками. И представьте себѣ—ни разу не слыхивала я, чтобы мужъ жену поколотилъ. Вотъ и толкуйте, что битые женъ происходитъ отъ невѣжества.

По голосу Марфы Ивановны, по блеску ея глазъ и по особому серьезному выраженію ея лица, видно было, что она это битые горячо принимаетъ къ сердцу. Я долго на нее смотрѣлъ, наконецъ спросилъ:

— Неужели и вы несчастны, Марфа Ивановна? Альбертъ Петровичъ, кажется...

Марфа Ивановна странно какъ-то улыбнулась.

— Я не про себя рѣчь держу, а про другихъ. Неужели чужое горе не можетъ насъ печалить такъ же, какъ и наше собственное? Я вамъ говорю: поѣзжайте въ деревни, поживите въ нихъ, и вы увидите, какой содомъ въ нихъ творится. Мое дѣло другое, особенное... Натура у меня вышла такая, что я не позволила бы никому надъ собою изгаляться*)... Будь я помирнѣе, можетъ-быть и мнѣ пришлось бы кулакомъ слезы утирать... Мой Жучокъ вѣдь бѣдовый, горячка.

— Неужели Альбертъ Петровичъ... охотникъ драться?

— И еще какой!.. Не глядите на него, что онъ сдѣланъ изъ трехъ лучинокъ... Драчунъ такой, какихъ мало!

— А мнѣ кажется... онъ такой смиренный предъ вами, словно овечка.

*) Издѣваться.

— Онъ теперь только такой, а прежде совсѣмъ не то было.

— Какъ же вы его... оборудовали?

— Оборудовала его, батюшка, клюка! Ха, ха, ха!

— Какая клюка?

— Есть такая крѣпконькая палочка, а на ней вздѣто желѣзко съ загнутымъ концомъ... Добрая штука! Ею въ печкѣ дрова мѣшаютъ, уголья тоже вытребуютъ... Ха, ха, ха!

— Ей Богу, ничего не понимаю... Объясните же мнѣ, Марфа Ивановна! Или нельзя?.. Семейная тайна можетъ быть?

— Отчего не объяснить, коли къ слову пришлось?.. Быль молодцу не укора, говоритъ пословица... Я кажется вамъ сказывала, что я крестьянская дочь, изъ Маріинскаго округа. Мой Жучокъ, когда пришелъ въ Сибирь, лѣтъ семнадцать тому назадъ, причисленъ былъ тамъ же. Послѣ уже онъ перевелся, сюда въ Томскъ. Служилъ онъ въ нашемъ селѣ писаремъ, а отецъ мой былъ сельскимъ старшиною, по нынѣшнему старостою. Крестьяне Жучка очень любили за то, что онъ человѣкъ не пьющій, не плутъ, обходился совсѣмъ ласково. Отецъ мой тоже съ нимъ подружился... Не хорошо, если старшина со своимъ писаремъ стали бы жить не въ ладахъ... Жучокъ часто бывалъ у насъ, и я ему поглянулась. Началъ онъ за мною ухаживать... Сначала я его какъ будто дичилась, а потомъ ничего, онъ сталъ мнѣ нравиться больше и больше. Въ эту пору вздумалъ посватать меня одинъ попovichъ. Сестра моей матери, Василиса Андреевна, была за нашимъ попомъ, отцомъ Венедиктомъ. Я у нихъ подолгу проживала. Отецъ Венедиктъ меня и грамотѣ училъ. Попovichъ этотъ былъ въ гостяхъ у отца Венедикта, увидалъ меня и попросилъ тетку Василису Андреевну, высватать ему меня. Она и заявила къ намъ съ женихомъ въ полной увѣренности, что обтяпаетъ дѣльце... Происходило это на праздникахъ Рождества, на четвертый день, помню словно, какъ будто сегодня... часа въ два по полудни. Сидѣла у меня въ гостяхъ подружка, сродная сестричка Софья Павловна, о которой я вамъ уже говорила... Покойная тоже была сосватана уже за своего звѣря... Мы съ ней изъ горницы ушли въ кутъ, а понадеясь съ женихомъ и матерью моею оставались въ горницѣ. Мать

ихъ потчивала чаемъ и виномъ... Прислушались мы къ разговорамъ въ горницѣ и сразу поняли, въ чемъ дѣло. Дѣвицы на этотъ счетъ очень понятливы и догадливы.—Какъ тебѣ кажется, Соня? спрашиваю я у подружки, когда у меня прошелъ немного страхъ... А перенугалась я не на шутку, да и Соня вмѣстѣ со мной.—Вѣдь сватовство для дѣвушки не бездѣлица, а дѣло роковое. Буду ли я попадѣй, али писаршей?—«Это дѣло твоихъ родителей,—отвѣчала мнѣ подружка.—А ты за кого бы пожелала? Чай, попадѣй лучше быть, чѣмъ писаршей».—Конечно лучше, говорю я.—«Такъ значить можно тебя и поздравить съ женишкомъ»?—А если я тебѣ откровенно сознаюсь, что мнѣ онъ меньше нравится, чѣмъ... стриженный?—«Да развѣ онъ говорилъ съ твоимъ отцомъ»?—Вотъ-то-то и горе, что не говорилъ до сихъ поръ... Прозѣваетъ, такъ пускай на себя пеняетъ... Однако этому черномазому мнѣ хотѣлось-бы мало-мальски пособить.—«Чѣмъ же ты пособишь»?—Пособи-ка ты, Сонечка —«Я? Что я смогу тутъ сдѣлать»?—Вотъ что ты сдѣлай, сестричка!.. Сбѣгай въ мірскую, да и шенни Жучку отъ себя—что де ко мнѣ пришла сваха и за поповича сватаетъ.—«Хорошо!.. А еще что прибавить»?—Больше ничего, ни слова. Понимаешь? «Понимаю. Боишься, чтобы онъ не подумалъ, что ты сама ему навязываешься»... Я засмѣялась, а у меня кошки на сердцѣ такъ и скребуть... Сами посудите, вѣдь тутъ судьба моя рѣшалась..

Софьюшка пошла въ горницу, попрощалась и ушла съ моимъ тайнымъ препорученіемъ. Вслѣдъ за ней маменька пошла на другую половину и послала работника за отцомъ въ мірскую. Я сижу въ кутѣ... Тетка зоветъ меня въ горницу на бесѣду, а я не йду, сижу и думаю себѣ: крутая ли каша изъ этихъ затѣй выйдетъ, али пустая размазня? Сынъ священника былъ ничего себѣ, бѣлокурый, съ большими голубыми глазами, довольно видный мужчина. Отецъ его недавно умеръ и онъ на мѣсто его въ приходъ свой готовился. А о Жучкѣ и говорить нечего, однимъ словомъ Жучокъ, какъ есть Жучокъ... У поповича, сказывали, денегъ было много. Жучокъ тоже хвасталъ, что у него родня богатая. Но эта родня была гдѣ-то тамъ далеко, за горами, за до-

лами, за широкими морями, то ли на небѣ, то ли на землѣ, а поповичъ жилъ въ сосѣднемъ селѣ... верстѣ двадцать только отъ насъ. Впрочемъ, родня не забывала Жучка... Хоть понемногу, а частенько посылались ему деньжонки, и онъ одѣвался чисто, по дворянски. Да и обращеніе его было такое вѣжливое, политичное, куда до него поповичу... Изъ-за этого-то обращенія онъ мнѣ больше всего и понравился...

Я и сама отъ него понемножку набиралась какого-то москатильнаго духу и начала какъ бы гордиться собою... То, на что я прежде не обратила бы никакого вниманія, становилось мнѣ непріятнымъ. Однимъ словомъ, я привередницей какой-то сдѣлалась. Такъ привередницей меня подружки и называли. По вечерамъ, въ свободное время, Жучокъ приходилъ къ намъ и начиналъ рассказывать про свою родину, про своихъ земляковъ и особенно землячекъ. Это меня забавляло, потому, что я узнавала многое, что мнѣ и во снѣ не грезилось. Смѣшно мнѣ было, какъ у поляковъ, по рассказамъ Жучка, на свадьбахъ гости изъ башмака молодой вино пьютъ.—Неужели это правда? спрашивала я у него. Онъ началъ божиться.—Такъ-таки изъ башмака каждой молодой? допытывалась я.—«Нѣтъ, не каждой, а той, которая хорошенькая, и того заслуживаетъ».—Этакъ, пожалуй, и изъ моего еще пили бы, если бы я въ Польшѣ была?—«Всенепремѣнно, и я первый постарался бы удостоиться этой великой чести»—отвѣчалъ Жучокъ, привставъ и кланаясь. Я чуть не померла со смѣху. Такъ это чудно представилось, не только мнѣ, но и Софьюшкѣ, и двумъ другимъ дѣвицамъ, сидѣвшимъ тогда у меня въ горницѣ. Но все это пустяки. Воротимся къ сватанью...—Если Жучокъ не явится, говорила я самой себѣ, не вырастетъ сейчасъ передо мной, какъ листъ передъ травой, и не разстроитъ это сватанье, тогда Богъ съ нимъ!.. А если явится и начнетъ отбивать меня у поповича, то я посмотрю, какъ онъ будетъ дѣйствовать, если хорошо, то и я ему маленько пособлю... Отецъ и мать все же таки должны будутъ спросить меня... Однимъ словомъ, въ этомъ дѣлѣ Жучокъ долженъ былъ показать себя въ настоящемъ видѣ, каковъ онъ есть,—молодецъ ли, или пентюхъ,

нохря... Пришелъ изъ мірской отецъ... Слышу я всѣ разговоры, каждое слово ловлю, особенно отцовское, но ничего въ толкъ не могу себѣ взять... Отецъ мой человѣкъ своеобычный и упрямый, хотя съ виду и кажется шутникомъ... Но какія бы ни были его шутки и прибаутки, а онъ, что держитъ на умѣ, того не потеряетъ изъ виду, а всегда поставитъ на своемъ. Поэтому и трудно было къ нему принаровиться... Тетушка наговорила ему цѣлый коробъ разныхъ разностей... Отецъ ей не противорѣчилъ...—«Что жъ, дѣло доброе... Я и самъ знаю, что пора Марфиньку окрутить, пока сама еще не окрутилась... Скорая неожиданная женитьба—видимый рокъ... Смерть да жена—Богомъ суждена. Отецъ Василій былъ отличный человѣкъ... Знатно умѣлъ и денежки копить... Сынокъ, полагаю, не отродился отъ бабушки... А въ нонѣшнія времена въ деньгахъ вся сила... Чѣмъ быть работницей въ семьѣ мужика, лучше самой распоряжаться, вино попивать, да сладкими пряниками закусывать. Булка тоже не чета черному хлѣбу... Ишь ты, матушка, Василиса Андреевна, какъ раздобрѣла...» Вотъ что говорилъ мой отецъ.—«Полно тебѣ шутки шутать, Иванъ Сергѣвич! говорить тетушка. Будетъ время, напутимся. Надо дѣло дѣлать. Самъ ты говоришь, что скорая, негаданная женитьба—видимый рокъ. Ну и не надо упускать судьбу изъ рукъ, а то послѣ нее и за хвостъ не поймаешь.» Тутъ тетушка подошла къ божницѣ, взяла коробокъ со спичками и зажгла передъ образами Божью свѣчку.

— Дѣло доходить до рукоблѣтъ, подумала я. Прощай Жучокъ! Видно ты молодецъ противъ овецъ, а на молодца и самъ овца.—И я заплакала... Вдругъ скрипнула дверь и кто-то пыхъ въ горницу... Слышу—голосъ Жучка, здороваётся... Заглянула я въ щелку... Жучокъ мой блѣднѣе полотна, только глаза какъ угли блестятъ да «чупрына»*) взъерошилась... Въ азартъ вошелъ, должно быть... У меня отъ сердца и отлегло. Что-то будетъ думаю я себѣ.—«Что это у васъ происходитъ, Иванъ Сергѣвичъ?» спрашиваетъ Жучокъ у отца, поводи глазами на свѣчку.—Семейное дѣло, братецъ ты мой, отвѣчаетъ отецъ.—«Какое же

*) Хохолъ (польское.)

именно? Можно спросить?»—Отчего? Между старшиною и писаремъ, братецъ ты мой, никакихъ секретовъ быть не должно. Вѣрно?—«Вѣрно, Иванъ Сергѣичъ... Вотъ уже два года мы съ вами служимъ и я убѣдился, что вы ни въ чемъ не скрывались передо мною... Позвольте же теперь полюбопытствовать, что у васъ происходитъ?»—У насъ, братецъ ты мой, вотъ что происходитъ... По глупости нашей, возымѣли мы желаніе любезную дочку нашу, Марфу Ивановну, въ замужество отдать и въ попадьи произвести.—«Какъ? Какимъ образомъ?»—А вотъ этотъ господинъ изволить ее сватать за себя. Жучокъ повернулся къ семинаристу, окинулъ его глазами съ ногъ до головы, словно въ первый разъ его увидалъ, а между тѣмъ былъ съ нимъ давно знакомъ. Затѣмъ погладилъ свою «чупрыну», подошелъ къ образамъ и задулъ Божью свѣчку.—Что это значитъ? закричала тетушка, приподнимаясь съ лавки. Какъ вы смѣете, господинъ писарь, распорядиться въ чужомъ домѣ, вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла?—«Это значитъ, отвѣтилъ ей Жучокъ твердымъ голосомъ, что и я хочу просить руки Марфы Ивановны. Поэтому, пока я не сдѣлаю формальнаго предложенія, такъ это у насъ называется, и пока оно не обсудится по совѣсти родителями и наконецъ самой Марфой Ивановной въ пользу ли мою, или во вредъ,—дѣло это не можетъ считаться рѣшеннымъ, и Божью свѣчку зажигать было преждевременно. Я и потушилъ ее».—Ишь какой женихъ выискался! завопила тетушка. Откуда такой взялся?—«Я съ вами, сударыня, и говорить не хочу. Вы не имѣете права критиковать жениховъ. Это право родителей и невѣсты. Вотъ я переговорю съ Иваномъ Сергѣичемъ, а тамъ пусть будетъ такъ, какъ Господь велитъ. Пойдемте же, Иванъ Сергѣичъ, на особицу, потолкуемъ по душѣ, безъ хитрости и безъ сердцовъ. Ты человекъ, я знаю тебя, прямой, честный и разсудительный. Меня тоже ты знаешь. Сойдемся—ладно, а не сойдемся—ссориться не станемъ, и будемъ всегда друзьями, какъ были.»—Пойдемъ, пойдемъ, братецъ ты мой... Сохрани Богъ, чтобы мы поссорились изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, коли никогда еще не ссорились изъ-за дѣловъ.—Жучокъ взялъ отца подъ руки и пошелъ съ нимъ въ

сѣни.—Молодецъ Жучокъ, подумала я, дѣйствуетъ хорошо, безъ свахи, самъ своей персоной. Это должно быть «по польскому». Тетушка взбѣленилась, стала мѣшать Жучка съ грязью передъ маменькой, и такой-то онъ, и сякой, и съ вѣсилицы-то онъ сорвался, и на цѣпи-то его привели въ Сибирь. Маменька только плечами пожимала. Женихъ же то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, и ходилъ изъ угла въ уголь по горницѣ, да съ досады бородку свою пощипывалъ. Я сижу какъ на иголкахъ. Долго что-то толкуютъ отецъ съ Жучкомъ. Наконецъ они приходятъ. Всѣ замолчали, ровно воды въ ротъ набрали. Жучокъ сѣлъ на лавку, сложилъ руки на груди и ногой объ полъ постукиваетъ. Женихъ тоже присѣлъ и щиплетъ свою бородку. Смотрю я на отца—ничего особеннаго не вижу, улыбается, посматриваетъ то на Жучка, то на жениха.—Ну что же, Иванъ Сергѣичъ, отозвалась тетушка, взявши съ божицы коробокъ со спичками. Вѣдь надо же какъ-нибудь дѣло покончить!—Да, матушка, непременно надо кончить, отвѣчаетъ отецъ. Вѣдь дѣло безъ конца, что кобыла безъ хвоста.—Я право уливляюсь вашему снисхожденію. Можно ли тутъ еще колебаться?.. Смѣшно было бы со стороны даже поглядѣть на... насъ!—Вотъ что, матушка, началъ отецъ, совсѣмъ уже другимъ голосомъ, и взявъ у ней изъ рукъ коробокъ со спичками. Моей Марфинькѣ Господь Богъ, неожиданно-негаданно, послалъ жениха, да и не одного, а цѣлыхъ двухъ. Одинъ хорошъ, да и другой, нельзя сказать, чтобы былъ не пригожъ. Ни того, ни другого охулить не могу. Такъ пускай сама Марфинька и рѣшить. Вѣдь, не намъ, а ей съ ними жить. Тетушка опять заартачилась.—Вы значить, Иванъ Сергѣичъ, мѣняете свой старый опытъ на дѣвичій легонькій умокъ. Его хотите слушаться?—Пожалуй, что и такъ, матушка.—Что же вы это затѣваете, Иванъ Сергѣичъ? Надъ древними отцовскими обычаями насмѣхаетесь!—Эхъ, матушка. Времена нонѣ другія настали и другіе обычаи требуются. Вотъ слыхалъ я, въ Томскомъ округѣ, въ Тутальской и Ояшенской волостяхъ, гдѣ строго держатся древнихъ отцовскихъ обычаевъ, парни по пашнямъ рыщутъ, словно звѣри, понравится имъ какая дѣвка, они ее имають, первоначально обезчестятъ, а

потомъ вѣнчаются. Бѣдныя волей—неволей, отъ стыда, должны покоряться своей участи*)... Хорошо-ли это, сама посуди, коли въ тебѣ имѣется какое-либо чувствіе?..—Ну такъ что же теперь вы дѣлать думаете? Что вы тамъ со своимъ писаремъ присогласовали?—Писарь мой тутъ ни при чемъ. У меня свой отцовскій смыслъ въ этомъ дѣлѣ будетъ руководствовать... Ну-ка благовѣрная моя супруга, Авдотья Андреевна, выводи изъ кута дочку нашу, Марфу Ивановну. Пускай съ Богомъ сама свою порѣшитъ судьбу. Наше дѣло дать ей только родительское благословіе. Ошибется—пускай сама на себя пеняетъ.—Маменька со слезами пошла въ кутъ за мною. Я до того готова была на крыльяхъ летѣть, а тутъ давай упираться, какъ быкъ, котораго на убой тащатъ. На силу маменька меня въ горницу вывела.—«Это что за глулости?» сказалъ мнѣ отецъ. Я оправилась, выпрямилась, прибодрилась и спрашиваю: что вамъ угодно, батюшка?—«Какая плутовка, говоритъ отецъ. Будто и не знаетъ! Чай ни одного слова не пропустила, что здѣсь говорилось. Ну, господа женихи, упреждаю васъ, что съ этой плутовкой надо держать ухо востро. Тутъ отецъ подошелъ къ образамъ, перекрестился и зажегъ Божью свѣчку.—Становись сюда, Марфа Ивановна, помолись Богу, хорошенько помолись, попроси Его, чтобы Онъ тебя вразумилъ и тогда повѣдай намъ, кого ты изъ этихъ двухъ молодцовъ желала бы себѣ въ супруги?.. Они оба тебя пожелали и мы ни одного изъ нихъ похудить не можемъ, оба хороши!.. Постояла я немного съ опущенными въ землю глазами, помялась, да и думаю: надо же рѣшиться. Вѣдь всѣ ждуть моего отвѣта. Подошла я къ образамъ, перекрестилась, положила для начала три земныхъ поклона, произнесла молитву, какая мнѣ первая пришла въ голову, опять положила три поклона и призадумалась. И представьте себѣ, какое диво совершилось надо мною?.. Мысль моя повернулась на сторону священническаго сына. Вѣдь онъ, думаю я себѣ, служитель Бога, у котораго я сейчасъ испрашивала себѣ вразумлѣнія. А Жучокъ какой-то другой вѣры, хотя и говоритъ, что и его вѣра такая же, какъ наша... За перваго выйти значитъ

*) Это не вымыселъ.

быть въ почетѣ... Отецъ самъ говорилъ, что это лучше, чѣмъ быть за мужикомъ. Жучокъ хотя не мужикъ, хотя и не занимается пашней, но все-таки ему далеко до священника... Чего же мнѣ тутъ долго думать еще?.. Я и хотѣла уже вернуться и объявить свое рѣшительное слово, но тутъ я вспомнила отца, какъ онъ для міру трудился день и ночь, какъ онъ душу готовъ былъ положить за міръ. Нѣтъ, говорю себѣ, не пойду я за священническаго сына. Лучше пойду за Жучка. Жучокъ служить міру также, какъ и отецъ... Будемъ же лучше горе мыкать вмѣстѣ съ міромъ... Тутъ мнѣ опять геройство представилось Жучка, съ какимъ онъ передъ самымъ почти носомъ тетушки затушила зажженную ею Божью свѣчку, и сердце мое еще пуще потянулось къ нему.—Ну, что Марфа Ивановна? заговорилъ отецъ. Какъ Господь васъ надоумилъ? Не томите молодцовъ, да и насъ тоже вмѣстѣ съ ними! Я обернулась и говорю: Я батюшка согласна... и вдругъ у меня голосу не стало, словно кто бритвой перерѣзалъ мнѣ горло. Отецъ подошелъ ко мнѣ.—Ну, говори же, за котораго? шепчетъ онъ мнѣ. Я бросилась къ нему на шею и залилась слезами.—Полно ребячиться! Вѣдь тутъ не шутки шутить, а дѣло должна ты говорить!..—За мірскаго человѣка, за писаря! проговорила я и спрятала голову на груди отца. Отецъ меня крѣпко прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ...—Ай да, Марфа Ивановна! закричалъ онъ радостно. Ей, ей, не чаялъ я отъ тебя такой прыти... Ну, благословляю тебя за писаря, Альберта Петровича Жучка!..—Вотъ такъ штука!»! завопила, не то насмѣшливо, не то сердито тетушка, схватила шубу и шаль, не простилась и убѣжала, хлопнувъ дверью такъ, что вся изба затряслась. Отказанный женихъ тоже началъ собираться въ путь-дороженьку, и у него съ языка сорвалось какое-то нехорошее слово противъ Жучка. Тотъ подскочилъ къ нему и потребовалъ, чтобы онъ повторилъ это слово, и если бы отецъ не сталъ между ними, то не знаю, что бы у нихъ вышло. Вотъ какимъ образомъ я безъ сватанья, безъ всякихъ причандаловъ, очутилась невѣстою Жучка. Ему къ новому году родные послали 100 рублей, и у насъ на скорую руку затѣялась свадьба. Дня за два до свадьбы пріѣхалъ

въ наше село засѣдатель на какое-то слѣдствіе. У этого засѣдателя былъ писмоводитель изъ поляковъ, землякъ моему Жучку, съ одного съ нимъ мѣста значить... Славный такой человѣкъ, не молодыхъ уже лѣтъ, но такой шустрый. Звали его Сигизмундъ Павловичъ. Онъ лѣтъ десять какъ уѣхалъ уже въ Польшу. Но еще живъ и письма къ Жучку пишетъ... А мнѣ даже и гостинцы посылаетъ... Славный человѣкъ!.. Дай Богъ ему лѣтъ сто прожить! Жучокъ, какъ земляка, пригласилъ Сигизмунда Павловича быть ему отцомъ посаженнымъ, т. е. благословить его къ вѣнцу. Тотъ съ радостію согласился и послалъ въ городъ нарочно нанятаго человѣка за нѣкоторыми подарками для меня и разными покупками. Привезли мнѣ изъ города дорогое подвѣчное платье, цвѣты, атласные башмаки... Нарядилась я, словно принцесса какая... Все это Сигизмундъ Павловичъ на свой счетъ устроилъ... И шампанскаго даже выписалъ. Услыхала обо всѣхъ этихъ затѣяхъ тетушка Василиса Андреевна, тотчасъ же прибѣжала къ намъ и давай ко мнѣ навязываться въ свахи... Посовѣтовалась я съ Жучкомъ, тотъ сначала и руками и ногами замахалъ, а потомъ говорить.—Ладно! пускай только она будетъ не свахой, а моей посаженной матерью, пускай теперь поблагословитъ того, кого называла висѣльникомъ и цѣпнымъ арестантомъ... Этакій проказникъ!..

— Что же, согласилась ли она?

— Какъ тутъ не согласиться?.. когда такая богатая свадьба затѣвалась... Ну, вотъ мы и отпраздновали свадьбу... Вышла я не какая-нибудь, а какъ слѣдуетъ быть... Родителей своихъ краснѣть не заставила...

— Только сами теперь покраснѣли, Марфа Ивановна.

— А вы хотите слушать, такъ слушайте, не перерывайте, а то я убогу, и сказка будетъ вся.

— Продолжайте, продолжайте, Марфа Ивановна... Отъ души говорю, что я готовъ васъ слушать день и ночь... Ну-съ, свадьбу отыграли... погуляли..

— Цѣлую, какъ есть, недѣлю гулянка продолжалась.

— Отлично! А изъ атласныхъ башмачковъ вашихъ шампанское пили?

— Какъ не пили! Сигизмундъ Павловичъ на всѣ эти выдумки былъ первый затѣйщикъ. Пилъ и онъ самъ, и Жучокъ, и еще тутъ было нѣсколько поляковъ. Посумасшествовали изрядно таки... Жучокъ жилъ на квартирѣ постоянно съ той поры, какъ пріѣхалъ, у одного семейнаго поляка. Тотъ былъ съ капиталомъ и обзавелся хозяйствомъ, и такой выстроилъ себѣ домъ, не на деревенскій манеръ, а на городской, въ четыре комнаты... просто прелесть... При домѣ были и погребъ, и амбаръ, и завозня, и стайки для лошадей и коровъ, и даже голубятня. Та еще красивѣе дома... Полякъ охотникъ былъ до голубей... Незадолго до нашей свадьбы, этому поляку вышло воротиться на родину. Онъ свой домикъ и отдалъ въ полное владѣніе Жучку съ тѣмъ, чтобы Жучокъ никому не продавалъ его, а если самъ не захочетъ въ немъ жить, то другому бы передалъ, какому-нибудь бѣдному поляку, съ такимъ же условіемъ: не продавать, а только передавать одинъ другому... Не знаю какъ тамъ, на своей родинѣ, а у насъ, въ Сибири, поляки очень дружно между собою живутъ и въ нуждѣ стараются пособлять другъ другу. Такимъ образомъ Жучку приходилось свадьбу сыграть какъ будто въ своемъ собственномъ домѣ, потому что прежній его хозяинъ съ семействомъ уѣхалъ почти за мѣсяцъ до нашей свадьбы... Отецъ далъ мнѣ въ приданое двѣ лошади, двѣ коровы и десять овецъ, насъ вѣдь было только двое, я и братъ, братъ моложе меня пятью годами... Зажили мы съ Жучкомъ полнымъ хозяйствомъ... Прошла недѣля, другая, третья, четвертая—ничего, живемъ себѣ согласно, душа въ душу, воркуемъ, какъ голубочки въ нашей голубятнѣ, никакимъ противнымъ поступкомъ другъ друга не огорчаемъ. Жучокъ почти весь день просиживалъ въ мірской надъ бумагами и приходилъ только къ обѣду, чаю и ужину. Только на пятой недѣлѣ, послѣ свадьбы, случился у насъ казусъ. Прибѣжалъ Жучокъ изъ мірской обѣдать. — «Скорѣе, скорѣе, кричитъ онъ мнѣ, давай, душка мила, жрать. У меня много экстреннаго дѣла.» — Столъ у меня, по обыкновенію, былъ уже накрытый, оставалось только щи налить въ чашку и подать. Каша и жаркое тоже были наготовѣ. Я и подала щи. А онѣ были горячія. — Жучокъ, какъ самъ горячій че-

ловѣкъ, любить, чтобы все у него было горячее, кипѣло съ ключа... Второпяхъ онъ забылся и хватилъ въ ротъ сразу.. Ну и обжегся. Вскочилъ, какъ бѣшеный, бросилъ ложку на столъ, чашку со щами объ полъ, да и далъ мнѣ оплеуху одну, затѣмъ другую, а тамъ и третью. Вижу я, что и четвертая, пожалуй, прилетитъ, завыла, да и убѣжала въ спальню. Онъ сейчасъ и ушелъ въ мирскую... Сажу я въ спаленкѣ, заливаюсь горькими слезами и думаю себѣ: за что это муженекъ меня поколотилъ? Что такое я сдѣлала? Самъ же приказывалъ, чтобы щи всегда были какъ можно горячѣе... Мнѣ не такъ было больно, какъ досадно... Я хотѣла плюнуть на все, убѣжать къ матери и никогда къ мужу не возвращаться. Но потомъ думаю, что же изъ этого хорошее выйдеть?... Срамъ... Нечего дѣлать, надо покориться своей горькой участи. Прощай теперь голубиная любовь... начнутся колотушки, подзатыльники, взбучки, какъ это водится у насъ по обычаю... Отошли должно быть мои красные дни, теперь начнутся черные... Что тутъ подблаещь? Вѣдь онъ мужъ... По обычаю нашему, онъ можетъ колотить меня, а я и пикнуть не должна. Такая ужъ наша доля женская. Пошла я, прибрала черепки чашки съ полу, подмыла полъ.. Слѣдовало самой умыться... но я не умылась... Все какъ-то противно мнѣ сдѣлалось, и сама себѣ я опротивѣла... Не до нарядности мнѣ теперь было. Жучокъ и къ чаю вечернему не явился. Наступила ночь... Я жду его къ ужину и огонь не тушу. Наконецъ онъ приходитъ, чуть не въ полночь. Стала я ему собирать ужинъ.—«Не надо!» говорить. «Не хочу», а самъ на меня и не глядитъ.—Ты чего же сердиться? спрашиваю. Вѣдь щи были такія, какія ты любишь. Я не виновата, что ты обжегся. Ты вѣдь не маленькій.—«А ты не сердиться?» спрашивалъ онъ, и все-таки на меня глазъ не поднимаетъ.—За что мнѣ сердиться? Не чужая я тебѣ, а законная жена... Можешь надо мною изгаляться, какъ твоей ярой душенькѣ угодно, на то я и жена.—«Гмъ! Какъ тутъ не сердиться? Вѣдь я поколотилъ тебя, и больно поколотилъ, чортъ бы меня побралъ!—Поколотилъ, ну такъ что же, что поколотилъ?.. Жена не должна за это сердиться... Грѣшно!..» Тутъ я засмѣялась. Смѣшно мнѣ сдѣлалось. Жучокъ подошелъ ко мнѣ,

посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и взялъ за обѣ руки.—«Нѣтъ! Ты скажи мнѣ, душка мила, правду, не сердись?»—Я тебѣ русскимъ языкомъ сказала, что не сержусь.—Странно мнѣ, какъ ты своимъ польскимъ разумомъ не можешь этого понять?.. Тутъ онъ началъ цѣловать мои руки... Мы и помирились... ровно ничего между нами не происходило. А все-таки на другой, на третій день, а затѣмъ и въ слѣдующіе дни, я не переставала думать, что какъ бы ни хорошо, по нашему закону, было это битье, а все-таки въ немъ толку большого не представляется. Прежде, то есть до битья, я ожидала прихода мужа съ большимъ нетерпѣніемъ, ровно солнышка яснаго, таяла отъ радости, когда слышу его шаги, смѣло къ нему на шею бросалась, когда онъ входилъ въ комнату. А теперь, какъ слышу, что онъ идетъ, у меня сердце и екаетъ, словно какъ случилось иной разъ на покосѣ, когда увидишь, что надвигается темная туча грозовая.. Все думается: поколотить-ли онъ меня за что-нибудь? Однимъ словомъ, прежняя беззаботная моя къ нему довѣрчивость исчезла... Я не подходила къ нему до тѣхъ поръ, пока по его взглядамъ не увѣрюсь, что опаски нѣтъ. Тогда я забывала страхъ и была къ нему со всей душой, какъ и въ первые дни. Какъ-то вскорѣ пріѣхалъ съ засѣдателемъ Сигизмундъ Павловичъ. Пріѣхалъ онъ ночью, а утромъ вздумалось ему навѣстить дѣтушекъ, которыхъ ему Богъ послалъ на чужой дальней сторонкѣ. Жучокъ былъ въ мірской. Я сейчасъ поставила самоваръ, приготовила закуску. Имѣлась у меня, на случай, бутылочка краснаго винца...—Какъ поживаешь, дочка? спрашиваетъ меня Сигизмундъ Павловичъ.—Живу, слава Богу, батюшка. Какъ Богъ васъ милуетъ?—Ладно-ли живете съ мужемъ? Не ссоритесь-ли?—Нѣтъ.— Не деретесь-ли?—Нѣтъ. А впрочемъ былъ тотъ грѣхъ.—Какъ? вскрикнулъ Сигизмундъ Павловичъ и вскочилъ со стула, какъ ужаленный. Что ты говоришь? Я и рассказала ему все, какъ случилось со шами, рассказала не съ тѣмъ, чтобы жаловаться, а такъ, по моей сердечной откровенности, больше для смѣха, больше винила себя, чѣмъ Жучка!—Не хорошо, говоритъ Сигизмундъ Павловичъ, не хорошо съ его стороны это.—Я и сама думаю, батюшка, что не хорошо. Да что прикажете дѣлать.. Надо тер-

пѣть. Безъ этого сколько я ни примѣчаю, въ нашей жизни не обходится.—Нѣтъ, нѣтъ! что не хорошо, то не хорошо! говорить Сигизмундъ Павловичъ. Вотъ что, дочка! Я какъ вашъ посаженный отецъ, даю тебѣ совѣтъ, а ты должна его исполнить въ точности. Слышишь?—Слышу батюшко, рада стараться.—Я знаю, мужъ твой человѣкъ недурной, не злой, но горячій, взбалмошный... А все-таки драться ему не слѣдуетъ. Это уже чортъ знаетъ, на что похоже... Такъ вотъ, что ты сдѣлай: если онъ осмѣлится еще когда-нибудь поднять на тебя руку, такъ ты схвати полѣно и, съ моего совѣта, огрѣй его разъ десять по чѣмъ попало... Вѣдь ты овладаешь съ нимъ? какъ думаешь?—И трехъ такихъ жидконогихъ для меня мало, батюшка. Вотъ и отлично.. Учи его въ мою голову.—Да вѣдь онъ мнѣ законный мужъ, батюшка. Какъ же можно ему супротивничать?—Когда онъ рѣшился на тебя руку поднять, то онъ тебѣ не мужъ, не другъ, а врагъ.—Вѣдь онъ меня любитъ, батюшка, шибко любитъ.—Еще-бы тебя не любить!.. Да онъ вѣроятно думаетъ себѣ, что ты «хлопка»*) и ему, панскому**) отродю, съ тобою церемониться не слѣдуетъ... Сама ты посуди: можетъ-ли существовать искренняя любовь тамъ, гдѣ побои?—Этого можетъ быть не происходить у васъ, у поляковъ, а у насъ, батюшка, русскихъ, случается это сплошь и рядомъ. У насъ, старички баютъ: только тамъ и любовь, гдѣ побои.—Вздоръ баютъ ваши старички. Не вѣрь этому. Люди вездѣ одинаковы... только разнымъ лыкомъ подвязаны... Жучокъ должно-быть въ мірской избѣ набрался этого козьяго духу.. Скажи мнѣ правду: отецъ твой бьетъ ли твою мать, Авдотью Андреевну?—Никогда я не видала, батюшка.—А есть-ли у васъ въ селѣ такія семьи, гдѣ мужья женъ не колотятъ?—Есть, только мало... не болѣе какъ три... четыре.—Хорошо-ли онѣ живутъ? Счастливы-ли?—Очень даже, лучше всѣхъ.—Вотъ видишь сама, есть такіе, которые обходятся и безъ битья женъ и живутъ, какъ сама говоришь, лучше прочихъ... Богъ имъ за это и счастье посылаетъ. По-моему пускай лучше ужъ жена била бы мужа, чѣмъ мужъ жену.—Не-

*) Мужичка, крестьянка (польское.)

**) Господскому (тоже.)

ужели это не все равно, батюшка?—Большая разница, дочка... Я по опыту знаю, что если женщина поколотит мужа, то всегда не безъ причины, а за дѣло... Онъ заслуживаетъ этого. Мужъ же всегда жену зря бьетъ.—Отчего же это батюшка происходит?—Отъ того, что женщина умнѣе мужчины.. Она сердцемъ своимъ угадываетъ болѣе того, что онъ своимъ острымъ умомъ опредѣлять можетъ!..—Чудеса какія-то вы мнѣ рассказываете, батюшка.— Не чудеса, а самыя обыкновенныя вещи. Бить жену! Да это что такое?.. Не думалъ я, чтобы Жучокъ твой былъ такой дуракъ... Надо образумить его непременно. И ты, дочка, образумь сама его хорошенько. Кулачка своего не порти, а полѣнцомъ, полѣнцомъ сѣзди его такъ, чтобы онъ помнилъ навсегда!—Да вѣдь мнѣ очень жалко будетъ его батюшка, если я его побью.—А развѣ онъ тебя жалѣлъ, когда билъ?—Помолчала я, подумала немного, засмѣялась, и говорю Сигизмунду Павловичу: Постараюсь, батюшка, при случаѣ воспользоваться вашимъ благимъ совѣтомъ,.. Только боюсь, чтобы не вышло чего-либо худого.—Ничего худого не выйдетъ, только не поддавайся. Поддашься, все пропало.—Тутъ пришелъ Жучокъ. Сигизмундъ Павловичъ ни слова о битвѣ не сказалъ, только, прощаясь, шепнулъ мнѣ потихоньку:—Смотри, дочка, не забывай моего совѣта, при случаѣ!—Ладно, батюшка! говорю я, не забуду... Случай вскорѣ и представился. На масленицѣ пришла ко мнѣ маменька моя въ гости. Посидѣли мы съ нею, чаю напились, блинecвъ покушали, я и проводила ее на улицу, за калитку. Тамъ еще немного покалякали. Мать звала меня къ себѣ вечеромъ.. Наконецъ ушла. Я пошла тоже къ себѣ, да и забыла выдернуть ремешокъ у калитки. Жучокъ велѣлъ всегда выдергивать ремешокъ этотъ потому, что на дворѣ у насъ, около амбара, иногда кое-что лежало, а по селу шлялись нищіе, большею частію пропойцы, того и гляди, что стянуть что-нибудь. Калитку же самъ Жучокъ умѣлъ отпирать и безъ ремешка. Потомъ я отправилась на задній дворъ и тамъ довольно долго замѣшкалась. Въ это время зашелъ къ намъ во дворъ одинъ изъ пропойцевъ, нашъ же крестьянинъ, и довольно зажиточный. Сыновья его ему на пьянство кое-когда давали, но часто и не давали. Въ такія ми-

нуты онъ и на воровство пускался... Зашелъ онъ и въ домъ нашъ... Видить — никого нѣту, онъ тутъ и стянулъ два полотенца хорошія, шаль мою шапку бобровую старую и направился съ ними къ калиткѣ. На грѣхъ явился Жучокъ. Видитъ калитка отперта, а во дворѣ извѣстный воръ пропойца. Онъ тотчасъ къ нему, обыскалъ его и отобралъ всѣ вещи. Затѣмъ выпроводилъ его за калитку, давъ ему нѣсколько копеекъ на выпивку, ради масленицы, заперъ калитку и пришелъ въ домъ. Никого нигдѣ, хоть все вытаскивай. Заглянулъ онъ на задній дворъ, увидѣлъ меня и вернулся въ комнаты, ни слова мнѣ не сказавши. Вижу я, что онъ поглядѣлъ на меня такъ, какъ тогда, когда обжегся и чашку со щами бросилъ объ полъ, и думаю себѣ: быть бѣдѣ неминучей. Сердце во мнѣ заходило ходенемъ. Постояла я этакъ минутой съ двѣ и иду, иду храбро, потому, потому что мнѣ припомнился совѣтъ Сигизмунда Павловича, благословеннаго батюшки. Будь, что будетъ, а ужъ я постою за себя! Направилась я не въ горницы, а въ кухню. Жучокъ тамъ. Едва я переступила черезъ порогъ, онъ псдекочилъ ко мнѣ и... бацъ! Опять—бацъ! и еще—бацъ! Я просто свѣту не взвидѣла... Схватила я наконецъ клюку, и ну его, моего супостата грознаго, и ну его тузить, по чемъ попало. Била я его до тѣхъ поръ, пока клюка не переломилась... Говорилъ ли онъ что-нибудь—не знаю, не слышала... Я была словно ошалѣлая, и слѣпая, и глухая. Однако опомнилась какъ-то. Стою я героемъ по срединѣ кухни, а онъ, бѣдняга, какъ заяцъ, притаился въ углу за печкой... Глядимъ мы другъ на друга настоящими звѣрьми... Говорять, что люди тѣ же звѣри, когда изъ себя выйдутъ и забудутъ, что они люди.—Что идолъ черномазый? будешь ли ни за что, ни про что больше еще меня бить? кричу я ему не своимъ голосомъ, а сама вся трясусь, какъ въ лихорадкѣ. Молчитъ онъ, не глядитъ на меня, да вдругъ и расплакался. Поглядѣла я на него, да и сама въ слезы. Все геройство мое пропало. Бросилась я Жучку на шею и цѣловать его стала. Плакали мы оба долго и ничего не говорили. Да и потомъ никогда уже не поминаемъ объ этомъ случаѣ... Стыдно было обоемъ... Гузы*) и синевицы долто у него

*) Опухли, волдыри (польское.)

не сходили. Славно я его отдубасила. Удивительно, какъ я ему еще реберь не переломала. Впрочемъ, я тогда сама себя не помнила, да и удары мои больше сыпались на стѣнку и печку, чѣмъ на него. Пришлось забѣливать и стѣны, и печку... Вотъ какая оказія у насъ случилась. И стыдно, и смѣшно объ ней даже вспоминать теперь.

— Что же дальше, Марфа Ивановна? заговорилъ я снова, видя, что она какъ будто намѣревается покончить на этомъ.

— Дальше?.. Какъ есть ничего. Съ тѣхъ поръ Жучокъ и пальцемъ меня не шевелить. Разсердился бывало, иногда и есть за что, тоже и я вѣдь не безъ грѣха, но только зубами заскричигаетъ и проворчитъ себѣ подъ носъ: «о, пся кровъ!»*) и только... Мало-по-малу мы себѣ стали жить безъ всякаго стѣсненія. Каждый изъ насъ дѣлаетъ, что хочетъ, безъ хитрости и сердювъ, а то и посовѣтуемся другъ съ другомъ. Наконецъ у насъ какъ то само собою все устривается такъ, что мы ничего не сдѣлаемъ такого, что было-бы кому-нибудь изъ насъ огорчительно. При битѣ и опаскѣ, я думаю, этого согласія никогда не произошло-бы. Исчезла-бы всякая довѣрчивость, а съ ней и любовь, и настъ заѣла бы скрытая вражда, неурядица и скука...

Наступила длинная пауза, въ продолженіе которой мы, какъ то сосредоточенно, смотрѣли другъ на друга. Не знаю, что выражалъ мой взглядъ, но взглядъ Марфы Ивановны сіялъ какимъ то спокойнымъ самодовольствіемъ, къ которому не примѣшивалось ничего напускного, натянутого, задорного, словно она высказала все, что было на ея душѣ и ей самой сдѣлалось легче.

— Разкажите еще что-нибудь, милѣйшая Марфа Ивановна.

— Неужели я вамъ не наскучила еще?

— Я вамъ раньше говорилъ, что готовъ васъ слушать день и ночь.

— Проказники вы, право! Охота вамъ разныя дрызги слушать.

— Дрызги-то и составляютъ суть въ нашей жизни... Хотя мы и не перестаемъ морочить себя мнимыми великими цѣлями...

*) Собачья кровь (польская ругань.)

Скажите мнѣ: поблагодарили ли вы чудака, Сигизмунда Павловича, за благой его совѣтъ?

— Какъ же, какъ же! Какъ тутъ не станешь благодарить!.. Но прежде у меня вышла съ дядюшкой маленькая катафазія... Ахъ, какая я необтесанная! Надо сказать: катавасія, а у меня вышла катафазія. Ха, ха, ха!

— Пускай будетъ и катафазія. Для меня это все равно, Марфа Ивановна.

— Это вы такой невзыскательный... А мой Жучокъ часто меня осуждаетъ за то, что я коверкаю разныя слова. Что же я буду дѣлать, коли у меня языкъ такой таловый? Хочешь сказать такъ, а сорвется иначе.. Послѣ моей исторіи съ клюкой, которая случилась на масленицѣ, пришелъ къ намъ, на первый день великаго поста, отецъ Венедиктъ, съ постной молитвой. О клюкѣ я только маменькѣ моей рассказывала. Она меня пожурила, а потомъ тетускѣ шепнула. Той удалъ моя понравилась, и она не утерпѣла, чтобы не похвастать передъ мужемъ, что вотъ-де у меня племянница какая бойкая, чуть реберь мужу не переломала. На Пасху пріѣхалъ къ намъ и самъ Сигизмундъ Павловичъ. Вотъ я ему и говорю, когда мы съ нимъ очутились вдвоемъ: мнѣ батюшка слѣдуетъ поблагодарить васъ за совѣтъ, помните, который вы мнѣ дали на прощаніи.—Неужели у васъ опять что-нибудь произошло? спросилъ Сигизмундъ Павловичъ, словно испугавшись. Я ему рассказала о своемъ геройствѣ. Поохотали мы съ нимъ вдоволь, а потомъ онъ такую выстойку задалъ Альберту Петровичу Жучу, что мнѣ и самой жалко его было, словно я его опять поколотила. И говорилъ ему Сигизмундъ Павловичъ все это не по своему, не по польски, а по нашему, по-русски, чтобы и я слышала, да на усь себѣ мотала...

— Что же такое онъ говорилъ, Марфа Ивановна?

— Мнѣ вамъ и не рассказать всего этого. Если-бы я была хорошо грамотная, то я это непремѣнно списала-бы себѣ на память. Но я только по печатному могу читать, пишу же такими каракульками, что и сама подчасъ не разберу.

— Можетъ быть вамъ удастся хоть что-нибудь вспомнить?

— Не надѣюсь, а впрочемъ попытаю: Вотъ, извольте знать, онъ сказывалъ, что когда-то былъ нѣкій народъ, такой народъ, отъ котораго многіе хорошіе народы произошли. У этого народа, по преданію, были свои прародители, но ихъ Адамъ и Ева были не такіе, какъ говорится въ нашей библии, а совершенно иные. Наша Ева сама соблазнила Адама, и за это они оба пострадали; а ихняя прародительница всячески удерживала своего мужа отъ преступленія заповѣди Божіей... А когда ихъ прародитель все-таки согрѣшилъ, и Господь его покаралъ, то она старалась утѣшить мужа, и за великую ея любовь мужъ ея былъ прощенъ Богомъ... Вотъ что онъ говорилъ... Еще онъ рассказывалъ, какъ этотъ народъ почиталъ женщину... Кого у нихъ женщина проклинала, того и самъ Богъ... Женскія слезы низводили съ неба огонь на тѣхъ, которые заставляли женщину плакать. Мужъ у нихъ жену свою называлъ госпожею и не смѣлъ ударить ее не только рукою, али плеткой, али вожейей, какъ это у насъ водится, но даже цвѣткомъ... Со временемъ обычаи эти перемѣнились... Ихніе мудрецы начали все передѣлывать на другой ладъ, по-своему, и довели до того, что женщина изъ госпожи сдѣлалась рабой, а мужчина ея владыкой. Былъ-ли такой чудной народъ на свѣтѣ, или Сигизмундъ Павловичъ выдумалъ его для назиданія Жучка,—не знаю. Вы люди ученые—должны это знать!

— Былъ, былъ, Марфа Ивановна.

— Какъ же онъ назывался?

— Аріицы.

— Такъ точно. Теперь я вспомнила. Сигизмундъ Павловичъ именно такъ и называлъ его. Хорошій должно быть народъ. А то сами посудите, что такое женщина въ нашемъ народѣ—все равно, что тварь. Дѣвица еще такъ-себѣ, по крайней мѣрѣ, кромѣ родителей не знаетъ надъ собою никакого начала. А замужняя, какъ скотина чествуется. Мужъ ее бьетъ, тиранитъ, въ гробъ заколачиваетъ и—ничего. Мужики между собою подерутся, ихъ вздуютъ на волостномъ судѣ, а сунься жена съ жалобою на побои отъ мужа, ее еще осмѣютъ. «Учить васъ надо, — говорятъ мудрые судьи. Жена безъ грозы хуже козы». Вотъ и подите съ ни-

ми. Они полагаютъ, что жена не имѣетъ никакого права жаловаться на мужа, и при каждомъ случаѣ стараются ее обвинить, а мужа оправдать... Хорошо было-бы такой постановить законъ, чтобы мужья не смѣли бить женъ, а если который побьетъ, то чтобы и его самого вздули, какъ сидорову козу.

— Пожалуй вы, Марфа Ивановна, не прочь и отъ того, чтобы исполненіе приговоровъ, по предполагаемому вами закону, возлагалось на самихъ женщинъ?

— Ха, ха, ха! О, тогда бы онѣ мужьямъ такую баню справляли, что они и до новыхъ вѣниковъ не забывали бы. Но что ни говорите, а шутить этимъ дѣломъ не слѣдуетъ. Сколько разстройства въ семействахъ отъ этого битья происходитъ, сколько женъ убѣгаетъ отъ мужьевъ съ бродягами, варнаками, сколько уходитъ въ развратъ, сколько уродуется бѣдныхъ дѣтей въ этихъ «строженіяхъ»... Въ нашемъ селѣ было до двадцати уродовъ, по милости своихъ родителей драчуновъ: у того рука вывернута, у того нога, тотъ съ горбомъ, а этотъ съ двумя... Нѣсколько ребятъ совсѣмъ на смерть зашибли въ дракѣ... Миръ все это покрываетъ, какъ будто такъ и слѣдуетъ быть... Самое наше село даже чуть не выгорѣло до тла отъ этого битья. Былъ у насъ одинъ мужиченко, Власъ Степанычъ, собой невзрачный такой, но первый горлопанъ на сходкахъ. Онъ постоянно жену свою колотилъ. Жаловалась она обществу постоянно, даже угрожала, но ее же страмили.—«Мало ты ее учишь», говорили общественники.—«Шибко она у тебя ротъ разѣваетъ. Не давай ей воли, Власъ Степановичъ»!.. Три раза она отъ побоевъ мужниныхъ скидывала мертвыхъ ребятъ, но это общественниковъ не трогало... Они все это покрывали... Вотъ помню, случилось это въ концѣ сентября, снѣгу впрочемъ еще не было, Власъ Степановичъ поколотилъ свою жену по обыкновенію, да и вышвырнулъ ее ночью изъ избы во дворъ, а самъ заперся въ избѣ... Лежала она долго, словно мертвая, наконецъ опомнилась, встала. Тутъ она и почувствовала въ сердцѣ своемъ неслыханную дѣвольскую злобу и ожесточеніе, не только противъ мужа, но и противъ міра, за потворство мужнинуму нраву. Были у ней въ карманѣ спички. Пошла она къ са-

раю и зажгла солому, привезенную съ поля, а сама чрезъ огороды убѣжала къ своей матери... Вѣтеръ тогда былъ страшнѣйшій, просто съ ногъ сваливалъ. Солома запылала, и огонь пошелъ пластать по всему селу. Шестьдесятъ домовъ какъ не бывало. Первая изба сгорѣла Власа Степаныча, а съ нею и онъ самъ... Никто не зналъ, отъ чего произошелъ пожаръ, но какъ только пріѣхалъ засѣдатель на слѣдствіе, поджигательница сама явилась къ нему съ повинной, объяснила, какъ она скидывала ребятъ отъ побоевъ мужа, какъ старички это покрывали, а ему приказывали бить ее еще пуще, чтобы не смѣла жаловаться, и много кое чего насаждала на старичковъ, въ томъ числѣ и сокрытіе убійства жены мужемъ и сына отцомъ... Все это она подняла изъ подъ спуда, не стѣснилась... Стоило же это дѣло нашимъ старичкамъ... Другіе до сихъ поръ оправиться не могутъ. Въ эту страшную ночь погорѣли отецъ мой и мы съ Жучкомъ... остались почти въ одѣхъ рубашкахъ... Лошади и скотъ даже погорѣли. Но не съ одними нами было такое несчастіе, а со многими. Тогда уже отецъ мой не служилъ... На мѣсто его былъ избранъ другой старшина, нечестный человѣкъ. Жучокъ не захотѣлъ съ нимъ служить и занимался хозяйствомъ. Выучила я его косить и жать, и ему очень понравилась эта работа... Но послѣ этого пожара пришлось ему опять браться за перо, и онъ поступилъ писаремъ въ инородную управу, къ татарамъ. У нихъ прожили мы болѣе года. Тутъ Господь послалъ намъ неожиданную милость. Какая-то тетка Жучка, очень богатая, умирая, вспомнила о племянничкѣ на чужой сторонѣ, мыкающемъ горе съ какой-то «хлопкой», и завѣщала на его долю шесть тысячъ корбованцевъ.—Какъ только получилъ Жучокъ это наслѣдство, мы съ нимъ тотчасъ же перѣехали въ Томскъ, купили этотъ домишко и зажили себѣ настоящими «панамы», хотя мое панство такого рода, что я и теперь не побрезгаю никакой черной работой. Сами видите, что я стряпки не держу, хотя и имѣю средства... Безъ работы, безъ труда мнѣ кажется жить невозможно, и я не могу себѣ представить, какъ это живутъ другія, такъ называемыя барыни, цѣлый день палецъ о палецъ не ударятъ.

— А родители ваши живы, Марфа Ивановна?

— Живы слава Богу, лѣтъ семь тому назадъ отецъ мой съ братомъ переписались въ маріинскіе мѣщане и живутъ въ Маріинскѣ.

— Что жъ такъ? Отецъ вашъ, какъ вы сами объясняли, былъ вполне мірской человѣкъ, стоявшій горой за міръ, за общину. Почему жъ онъ вдругъ отрѣшился отъ міра?

— Хорошо стоять за міръ, когда онъ приходится тебѣ по душѣ, когда увѣренъ, что каждый будетъ стоять, какъ и ты. А какъ видишь, что ты тянешь въ одну сторону, а прочіе въ другую, то лучше всего уйти отъ грѣха, такъ дѣлаютъ многіе честные люди. Въ міру жъ остаются горлопаны, мірофды, опивохи, что за ведро водки готовы на все. Насмотрѣлась я, батюшка, вдоволь, на крестьянское бытъ... Правда ли, я слышала, что есть такія земли, гдѣ нѣтъ вовсе крестьянъ?

— Есть, Марфа Ивановна. Даже существуетъ одно большое государство.

— Кто же тамъ орудуетъ?

— Тамъ есть хозяева, фермеры и батраки, т. е. работники. Но каждый хорошій и старательный работникъ можетъ въ свою очередь сдѣлаться фермеромъ, или хозяиномъ.

— Значитъ между ними никакого различія не существуетъ? А скажите по совѣсти, хорошо ли тамъ живется?

— Недурно. Государство, о которомъ я упомянулъ, считается однимъ изъ богатѣйшихъ.

— Господи! И не подумаешь, какія на свѣтѣ земли есть... Знаете ли, прибавила она послѣ небольшой паузы. Мы съ Жучкомъ собираемся въ Америку укатить... Только домъ продадимъ!

— Въ Америку? воскликнулъ я съ изумленіемъ. Вотъ какъ! Откуда же вы про Америку знаете Марфа Ивановна?

— О, мы съ Жучкомъ про Америку часто толкуемъ. У него тамъ сродный братъ живетъ. Онъ и его къ себѣ зоветъ. Ну, да что я съ вами тутъ попусту бобы развожу. Пойти лучше на кухню. Изъ-за нашихъ балентрясовъ тамъ почитай все перебрѣло у меня. До свидки!

— Вотъ и поди съ этой одворянившейся «хлопцой»! поду-

малъ я, провожая ее глазами. Люблю я этихъ бойкихъ сибирячекъ. Онѣ чрезвычайно переимчивы. Я часто встрѣчалъ въ семействахъ чиновныхъ людей и сибирскихъ плутократовъ типы этихъ женщинъ. Передъ собою видишь барыню, настоящую какъ есть барыню, въ шелку, бархатѣ, кружевахъ и брильянтахъ, а по справкѣ окажется, что это бывшая стряпка, горничная или нянька. Онѣ, не получивъ рѣшительно никакого образованія, приобрѣтаютъ въ новомъ своемъ положеніи способность очень мило и даже забавно болтать съ вами о пустякахъ вседневной жизни и доводить эту способность до такого совершенства, что невольно заставляютъ прощать имъ всѣ ихъ недостатки. Можно ли отъ нихъ требовать чего-либо больше? Многіе изъ поляковъ, довольно интеллигентныхъ даже, поженились въ Сибири на этихъ «хлопкахъ». И что же? Черезъ годъ, два или три, «хлопки» эти отлично стали говорить по-польски и усвоили себѣ всѣ манеры полекъ, такъ что трудно ихъ различить. Но главное то, что поляки, женившіеся на сибирячкахъ, рѣдко жаловались на это. Вотъ что говорилъ мнѣ одинъ изъ интеллигентныхъ поляковъ (извѣстный своими письмами о Сибири), женившійся на простой крестьянской дѣвушкѣ, довольно красивой.

— «Никакой мечтательной страсти я къ моей суженой не чувствовалъ, и ничего необыкновеннаго въ ней не видалъ, какъ это, напротивъ, случается съ влюбленными. Я прельстился ея здоровьемъ, красотой, бойкостью, веселымъ нравомъ. Я полагалъ, что съ нею не будетъ мнѣ скучно въ этой угрюмой странѣ. Меня страшно тяготило мое одиночество. Она была не избалована роскошью, какъ наши, такъ называемыя «паненки»*), слѣдовательно она не могла бы требовать отъ меня лишняго и довольствовалась бы тѣмъ, что я въ состояніи былъ бы дать. Привыкнувши съ дѣтства видѣть грубое, чисто скотское обхожденіе своихъ односельчанъ съ женами и нашедши во мнѣ много вниманія, угодливости и теплой ласки, она душевно и беззапѣтно привязалась ко мнѣ. Съ своей стороны, я не могъ оставаться хладнокровнымъ въ виду ея привязанности, и моя привязанность къ ней начала

*) Барышни.

увеличиваться съ каждымъ почти днемъ. Такимъ образомъ между нами установилось то чувство, которое многіе ищутъ напрасно въ жизни,—чувство, составляющее роскошь существованія. Но это чувство особаго рода, не та бессознательная вспышка, которую обыкновенно считаютъ любовію, и которое быстро возникаетъ и исчезаетъ также быстро. Чувство, соединяющее насъ, отличается отъ этой вспышки тѣмъ, что оно постепенно усиливается, и мнѣ кажется, что мы никогда не опротивѣемъ и не надоѣдимъ другъ другу... Я предоставилъ женѣ управленіе хозяйствомъ, въ этомъ отношеніи она чрезвычайно практична. Но это не мѣшаетъ ей иногда вникать въ смыслъ моихъ умственныхъ работъ. Конечно, она больше понимаетъ чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ, но все-таки болѣе или менѣе понимаетъ, и для нея этого слишкомъ даже довольно. Наслаждался ли бы я такимъ покойнымъ, безоблачнымъ счастіемъ, если бы избралъ себѣ подругою жизни женщину съ высокимъ образованіемъ,—не знаю».

Альбертъ Петровичъ Жукъ, женившись на Марфѣ Ивановнѣ, значительное время провелъ изолированно отъ общества своихъ земляковъ. Поэтому Марфѣ Ивановнѣ не удалось выучиться говорить по-польски; она коверкаетъ и русскія слова на деревенскій манеръ. Ей, конечно, много кой-чего не достаетъ. Но всѣ ея недостатки выкупаются, по моему мнѣнію, рѣдкой чертой въ сибирячкахъ, до того рѣдкой, что мнѣ она впервые бросилась въ глаза только у одной Марфы Ивановны, это—отзывчивость къ чужому горю и страданію. Откуда, въ странѣ грубѣйшаго эгоизма и черствѣйшаго своекорыстія, могло проявиться такое альтруистическое чувство, откуда въ простой деревенской дѣвушкѣ могло зародиться выраженіе: «неужели чужое горе не можетъ насъ печалить такъ же, какъ и наше собственное»?.. Могла ли бы такъ думать и такъ говорить Марфа Ивановна, если бы вышла замужъ за сибиряка? На врьдъ...

СИБИРСКИЕ ШАМАНЫ.

О сибирскихъ шаманахъ въ нашемъ обществѣ, а также и въ литературѣ до сихъ поръ не сложилось ничего положительнаго и опредѣленнаго. Одни считаютъ ихъ шарлатанами и обманщиками, эксплуатирующими невѣжество и легковѣріе своихъ соплеменниковъ, другіе считаютъ ихъ сущасшедшими, третьи видятъ въ нихъ нѣчто загадочное и необъяснимое. Но никто серьезно не займется ими. Сибирякамъ, кажется, было бы болѣе доступно, чѣмъ кому либо другому, заняться этимъ беззѣинтереснымъ предметомъ, но они крайне индифферентны. Явленій же, заслуживающихъ вниманія, не мало въ Сибири. Но стоитъ только какому-нибудь „умнику“ произнести слова: вздор! пустяки! и интересъ къ явленію разсѣивается и считается даже чѣмъ-то неприличнымъ. Для примѣра приведу такъ называемую сибиряками „анадырскую боль“. Боль эта или, правильнѣе, болѣзни, впервые обнаружилась въ Анадырскѣ. Она долго господствовала въ сѣверо-восточной Азійи и неуступаетъ никакимъ обыкновеннымъ методамъ лѣченія. Подвергающіеся ей субъекты большею частію женщины. Больные этого рода утрачиваютъ сознаніе всего окружающаго ихъ, приобретаютъ внезапную способность говорить на языкахъ, никогда неслыханныхъ ими, особенно на якутскомъ¹⁾, и получаютъ временный даръ ясновидѣнія, вслѣдствіе чего описываютъ съ точностію совершенно незнакомые имъ предметы. Въ такомъ положеніи они часто требуютъ какія-нибудь вещи, видъ и мѣстонахожденіе которыхъ объясняютъ съ точностію. Пока имъ не принесутъ этихъ вещей, они впадаютъ въ конвульсіи, поютъ пѣсни на какомъ-то языкѣ, испускаютъ дикіе крики и вообще приходятъ въ положительное безуміе. Доставленіе имъ этихъ вещей немедленно излѣчиваетъ ихъ отъ этого недуга.

¹⁾ Якутскій языкъ жителямъ Анадырска неизвѣстенъ.

Простой народъ увѣренъ, что болѣзнь, потѣшившись надъ человѣкомъ, сама избираетъ себѣ какую-либо вещь, на которую и переселяется. Начальникъ гижигинскихъ казаковъ, Подеринъ, человѣкъ довольно положительный и заслуживающій довѣрія, рассказывалъ Джорджу Кеннану (см. сочиненіе послѣдняго: „Кочевая жизнь въ Сибири“), что его дочь, будучи одержима „анадырской болью“, потребовала собаку въ особенныхъ пятнахъ, которую онъ обыкновенно запрягалъ въ свои сани. Когда собаку привели въ ея комнату, дочь его тотчасъ же успокоилась и затѣмъ выздоровѣла. Но съ этого времени собака сама сдѣлалась такъ безпокойна и дика, что ея почти невозможно стало управлять и онъ долженъ былъ наконецъ убить ее.

Сибирскіе „умники“ объясняли „анадырскую боль“ умышленнымъ обманомъ, пущеннымъ въ ходъ, преимущественно женщинами, съ цѣлю вліять на своихъ родственниковъ для какихъ-либо личныхъ выгодъ. Примѣромъ этого они выставляли жену одного купца, которая, прикинувшись *будто* одержимой „анадырской болью“, потребовала отъ мужа шелковое платье и бѣднякъ долженъ былъ за нимъ съѣздить зимою изъ Гижиги въ Янскъ за 300 верстъ, такъ какъ такового нельзя было достать въ Гижигѣ. Но они упускаютъ изъ виду: а) что не всѣ больные требуютъ какихъ-либо цѣнныхъ вещей, а большею частію довольствуются самими ничтожными; б) что упомянутая купчиха, получивши шелковое платье ниразу его на себя не надѣвала, а изрѣзала его въ куски и сожгла, и в) что неудовлетвореніе желанія больного ведетъ за собою смерть.

Сибирь представляетъ обширное и непочатое поле не для однихъ археологическихъ, минералогическихъ, ботаническихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Въ ней и психофизиологическое общество могло бы найти для себя не мало богатаго матеріала.

Шаманизмъ до появленія буддизма, ислама и христіанства, былъ общимъ вѣрованіемъ всѣхъ народовъ Сѣверной и Восточной Азіи. Онъ также распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Шаманизмъ не имѣетъ ничего общаго съ различными вѣрованіями человѣчества, такъ какъ въ основаніи его не лежитъ ни-

какого опредѣленнаго метафизически-религіознаго элемента. Догматы или религіозныя идеи одного племени шамановъ рѣзко отличаются отъ догматовъ и идей другихъ. Поэтому не въ религіозныхъ догматахъ заключается суть шаманизма, а въ шаманѣ. Вдохновеніе шамана составляетъ все. Въ лицѣ своего шамана дикари видятъ представителя явно сознаваемой, хотя и непонятной для нихъ силы или воли, которую они не знаютъ какъ назвать, а другіе, помышленнѣе, называютъ великимъ всевѣдущимъ духомъ. Для этихъ простыхъ дѣтей природы шаманъ служитъ единственной, священной книгой, живой библіей, изъ которой они могутъ почерпнуть все необходимое въ различныхъ случайностяхъ своей незатѣйливой жизни.

Отъ шамана требуется:

- а) Указаніе мѣста болѣе удобнаго для перекочевки.
- б) Свѣдѣнія о томъ, что происходитъ съ отсутствующими родственниками или товарищами.
- в) Предсказаніе объ исходѣ задуманнаго предпріятія.
- г) Указаніе вора или мѣста, гдѣ спрятано похищенное, и
- д) Исцѣленія отъ болѣзни.

И шаманъ всѣаги требованія обязанъ вполнѣ удовлетворять, иначе шаманство давно бы исчезло съ лица земли.

Изъ этого видно, что шаманъ не есть жрецъ какого-либо особаго религіознаго культа, а просто предсказатель, гадатель, провидецъ и въ то же время врачъ. Сами шаманисты считаютъ свою вѣру современной первому появленію человѣка на землѣ.

— „У первыхъ людей (слѣдуетъ подразумѣвать Адама и Еву), повѣствуетъ одна шаманская легенда, было шесть сыновей и семь дочерей. Каждый изъ сыновей взялъ себѣ за жену сестру. Одной же, самой меньшей, мужа не досталось. Одинъ изъ братьевъ хотѣлъ было взять ее себѣ второй женой, но жена его на это не согласилась изъ ревности. Бѣдная дѣвушка начала скучать, скучала, а затѣмъ стала неистовствовать, упала на землю, забила руками и ногами, и закричала на разные голоса. Родные ее сначала испугались и не знали, что такое съ нею приключилось. Наконецъ убѣдились, что въ нее вселился нѣкій духъ, который все видитъ, все слышитъ и все знаетъ, что на свѣтѣ происхо-

доть. Она предсказала, что завистливая и ревнивая ея сестра будет вскорѣ растерзана хищными звѣрями. Пророчество это сбылось и овдовѣвшій братъ взялъ ее себѣ за жену. Отъ этого брака и произошли на свѣтъ шаманы“.

Есть два рода шамановъ: истинные и ложные. Истинный шаманъ долженъ имѣть особое врожденное предрасположеніе къ своему призванію. Предрасположеніе это у бурятъ называется „*ур бурбул*“. Признаками его считаются: крайняя впечатлительность, робость, пугливость, частые обмороки, одичаніе, конвульсіи, падучка, (послѣдняя составляет *conditio sine qua non* шаманскаго призванія), изступленіе и вообще характеръ мрачный и нелюдимый. Лица, которымъ удавалось испытывать истинныхъ шамановъ во время ихъ „дѣйства“ (такъ сибиряки называютъ шаманское экстатическое состояніе), замѣчали въ нихъ слѣдующія особенности: забытіе при пробужденіи всего происходившаго, внѣшнюю нечувствительность къ уколамъ, щипкамъ²⁾ и, наконецъ, неохотливость, съ которою шаманы берутся за предсказанія, не смотря иногда на щедрые подарки. Даръ прорицанія не дается имъ легко. Оно всегда сопровождается неистовствомъ, конвульсіями, пѣной у рта и, наконецъ, крайнимъ изнеможеніемъ. Такія мученія нельзя назвать притворствомъ и шарлатанствомъ, какъ ихъ многіе привыкли называть.

Ложные шаманы суть просто фокусники. Они не пользуются никакимъ довѣріемъ у своихъ родичей и на него не претендуютъ. Они довольно часто появляются въ русскихъ селеніяхъ съ корыстолюбивою цѣлю и выдѣлываютъ различные фокусы, выказывая большую ловкость и находчивость. Такъ, напримѣръ, они отрѣзываютъ себѣ голову, руку или ноги и потомъ ихъ приставляютъ, вонзаютъ безвредно кинжалы въ грудь или бока, хватаютъ руками раскаленное желѣзо, скачутъ въ огнѣ босыми ногами, опускаютъ руки въ кипятокъ и т. п. Они хорошіе коновалы и ветеринары, лѣчатъ удачно скотъ, а иногда людей. Этихъ-то фокусниковъ туристы и принимаютъ за шамановъ. Истинный шаманъ никакими фокусами не займется; ему не до нихъ. Да и сами ино-

²⁾ Указаніе на гипнотическое состояніе.

родды никогда не укажутъ вамъ настоящаго шамана, а только фокусника. Только случай можетъ свести кого-либо съ настоящимъ шаманомъ. Крестьяне, казаки и сибирскіе мѣщане, хотя и подозреваютъ шамановъ въ кумовствѣ съ нечистой силой, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ надобности, обращаются къ нимъ. Отъ нихъ узнаютъ они объ урожайныхъ или неурожайныхъ годахъ, о предстоящемъ обилии или скудости урожая кедровыхъ орѣховъ (промыселъ довольно значительный въ Сибири), о наводненіяхъ, засухѣ и другихъ явленіяхъ. Особенно удается шаманамъ указывать воровъ или мѣста, куда запрятано украденное.

Кастренъ, въ сочиненіи своемъ „Путешествіе на Сѣверъ“ 1853 года, пишетъ, что шаманы Аккальскихъ лапландцевъ „очень уважаются за свои знанія въ волшебствѣ. Они впадаютъ въ магнетическій сонъ, а души ихъ въ то время странствуютъ. Они предсказываютъ будущее и видятъ, что дѣлается на далекомъ пространствѣ. Наши магнетизеры и ясновидящіе могли бы поучиться у этихъ лапландцевъ“.

То же самое могъ бы Кастренъ сказать и о сибирскихъ шаманахъ, если бы ему довелось видѣть настоящихъ шамановъ. Къ несчастію онъ видѣлъ только фокусниковъ.

Гартвигъ въ сочиненіи своемъ „Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ“ рассказываетъ о слѣдующемъ экспериментѣ сибирскаго шамана: Шаманъ сѣлъ въ уединенной комнатѣ на оленью шкуру, разостланную среди пола, затѣмъ приказалъ связать себѣ руки и ноги. Двери и оконные ставни были наглухо заперты и шаманъ началъ вызывать духовъ. Въ темной комнатѣ совершалось что-то непонятное. По сухой кожѣ что-то барабанило въ тактъ, медвѣди ревѣли, змѣи шипѣли, вокругъ комнаты бѣгали и пищали бѣлки. Наконецъ шумъ внезапно прекратился и шаманъ къ немалому изумленію присутствующихъ, вошелъ въ домъ черезъ наружную дверь, а не изъ двери той же комнаты, въ которой былъ запертъ. Выходитъ, что шаманы обладаютъ и медиумическими свойствами. Не лишне было-бы русскому обществу экспериментальной психологіи, недавно образовавшемуся въ С.-Петербургѣ, учредить отдѣленіе въ Сибири и заняться изслѣдованіями

надъ шаманами и другими психическими явленіями. Проживая много лѣтъ въ Сибири, я имѣлъ частые случаи столкновенія съ настоящими шаманами. Сводъ моихъ наблюденій я изложилъ въ большомъ очеркѣ, недавно посланномъ мною въ одинъ изъ столичныхъ журналовъ. Здѣсь же я опишу одинъ случай изъ числа многихъ, которымъ ясно опредѣлилась способность, приписываемая вообще настоящимъ шаманомъ.

Лѣтомъ 1875 года, проѣздомъ черезъ тайгу на одинъ изъ золотыхъ приисковъ, которымъ я, по довѣренности владѣльца, временно завѣдывалъ, пришлось мнѣ заночевать на берегу рѣчки. На этой же рѣчкѣ, неподалеку отъ мѣста, избраннаго мною для ночлега, находилось временное стойбище небольшого рода³⁾ тунгусовъ. Тунгусы народецъ очень добрый. Православные сибиряки называютъ ихъ, какъ и всѣхъ вообще инородцевъ „*тварю*“. Но отецъ сибирской исторіи Миллеръ считаетъ эту „тварь“ честнѣе и нравственнѣе грубыхъ сибиряковъ. По описанію его тунгусы веселы, беззаботны, легкомысленны, легковѣрны, ласковы, добродушны, правдивы и берегущіе чужое добро пуще своего собственнаго. Золотопромышленники прозвали ихъ таежными французами. Цвѣтъ ихъ кожи розово-красный, грудь ихъ широкая, фізіономія открытая. Въ сравненіи съ другими инородцами они отличаются замѣчательной соразмѣрностью всѣхъ частей своего тѣла. Бороды у нихъ нѣтъ. Со мною слѣдовалъ небольшой транспортъ припасовъ и матеріаловъ для прииска, на 10 вьючныхъ лошадяхъ, сопровождаемый четырьмя конюхами. Когда послѣдніе развьючили лошадей, разложили кстеръ и занялись приготовленіемъ чая и ужина, нѣкоторые тунгусы подошли къ нимъ съ цѣлю разжиться табакомъ, до котораго они страстные охотники. Одинъ изъ нихъ говорилъ удовлетворительно по-русски. Я спросилъ его, нельзя ли у нихъ достать свѣжей рыбы? Но тунгусъ

³⁾ Вѣдомства сибирскихъ инородцевъ раздѣляются на роды, управляемые особымъ лицомъ, наследственнымъ или избираемымъ. Каждый родъ состоитъ изъ лицъ, незнающихъ въ большинствѣ случаевъ родства между собою. Это устройство напоминаетъ отчасти кланы шотландскихъ горцевъ.

объяснилъ мнѣ, что лѣшій (духъ), владѣющій этой рѣчкой, скверный и безпутный, всю рыбу проигралъ въ карты другому лѣшему, въ другой рѣчкѣ, въ которую эта впадаетъ, что вслѣдствіе этого они должны перенести свое стойбище на другое болѣе благоприятное мѣсто, и что завтра утромъ ихъ шаманъ будетъ шаманить на счетъ избранія такого мѣста. Впрочемъ, добавилъ онъ, рыба опять начала понемногу появляться въ рѣчкѣ. Вѣроятно, лѣшій сталъ отыгрываться. Можетъ быть и отыграется. Обо всемъ этомъ завтра долженъ узнать шаманъ.

Я спросилъ его: можно-ли мнѣ будетъ завтра посмотрѣть какъ ихъ шаманъ станетъ шаманить.

— Пошто не можно, можно! отвѣчала тунгусъ.

— Такъ ты приходи за мной завтра утромъ, и я пойду вмѣстѣ съ тобою, сказалъ я, подавая ему папушу табаку.

— Ладно! Ладно! воскликнулъ обрадованный тунгусъ.

На другой день утромъ вмѣсто того, чтобы продолжать путь, я, подстрекаемый любопытствомъ, отправился къ тунгусамъ въ сопровожденіи того, который обѣщался придти за мною. Со мною отправились также и два конюха, пожелавшіе посмотрѣть на шаманское „дѣйство“.

— Вонъ нашъ шаманъ! обратился ко мнѣ мой чичероне, когда мы подошли къ стойбищу, и указалъ рукою на уединенную берестяную юрту, передъ которой, на небольшомъ коврикѣ, спитомъ изъ квадратныхъ кусковъ бѣлой и черной кожи, сидѣлъ шаманъ, закрывши лицо обѣими ладонями, и облокотясь локтями на приподнятыя колѣвни. Онъ былъ одѣтъ въ простую и довольно поношенную парку—родъ пальто, въ лосинные штаны и кожаные унты. Около него на коврѣ лежалъ небольшой бубень съ множествомъ навѣшенныхъ на немъ побрякушекъ и небольшая костяная палочка съ головкою на концѣ. Тунгусы начали собираться и окружили шамана со всѣхъ сторонъ — старики и мужчины впереди, а женщины и дѣти сзади ихъ. Разговоры происходили вполголоса. Около меня набралась куча полунагихъ ребятишекъ обоого пола, заглядывавшихъ съ любопытствомъ мнѣ въ глаза. Другіе, посмѣлѣе, принимались ощупывать мою одежду,

несмотря на грозные возгласы моего чичероне: *Акыч! Акыч!* (Нельзя)! Дѣти эти были истинными красавчиками. Такихъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Наконецъ шаманъ отнял ладони свои отъ лица и началъ тупо осматриваться кругомъ. Я увидѣлъ въ немъ старика, изнуреннаго и тщедушнаго. Тунгусы вообще не отличаются полнотою тѣла. Черты его лица были довольно правильны и лицо это можно было бы назвать весьма симпатичнымъ, еслибы большіе черные глаза не поражали какимъ-то рѣжущимъ и отталкивающимъ свѣтомъ.

Взявъ въ лѣвую руку бубень, а въ правую палочку съ головкой, шаманъ тихо затынулъ какую-то унылую и монотонную пѣсню, позвякивая ударомъ палочки въ бубень. Нѣкоторыя слова произносились нѣсколько громче, и я могъ разслышать изъ нихъ: „*Гастэриду хинь дукъ бум!*“ (Прозящему у тебя не отказывай!) „*Хевки-тканъ ничичинъ бжиччаванъ!*“ (Господину все возможно). Вѣроятно это было моленіе о ниспосланіи ему вдохновенія. Онъ пѣлъ покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Мало-по-малу неподвижныя черты лица его начали оживляться и иногда искривляться, словно отъ какой-то внутренней боли. Въ голосѣ его тоже стали проявляться порою странные звуки, не то болѣзненные стоны, не то истерическій хохоть. Вдругъ онъ опрокинулся навзничъ. Бубень звякнулъ и отлетѣлъ въ сторону вмѣстѣ съ колотушкой. Шаманъ забился въ припадкѣ падучки. Къ нему подбѣжало нѣсколько тунгусовъ и начали его придерживать. Нужно сказать, что я помѣстился какъ разъ напротивъ шамана и, съ помощію лорнета, слѣдилъ за всякимъ его движеніемъ.

— Зачѣмъ его придерживаютъ? спросилъ я своего чичероне.

— Нельзя не держать хунгэ (господиня)! Онъ можетъ совсѣмъ зашибиться, отвѣчалъ онъ.

Шаманъ былъ въ сильномъ припадкѣ. У него на губахъ показалась пѣна. Тунгусы продолжали его придерживать. Наконецъ, онъ началъ понемногу успокаиваться. Затѣмъ уснулъ. Спалъ онъ ровно четверть часа. Вдругъ онъ вскочилъ и какъ будто намѣревался бѣжать куда-то, но потомъ присѣлъ. Глаза его были устремлены въ правую сторону, на одну точку, словно при видѣ чего то

ужаснаго. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Мало-по-малу лицо его приняло обыкновенное страдальческое выраженіе, хотя онъ все еще дикимъ взглядомъ осматривался по сторонамъ. Спустя минуты двѣ онъ приподнялся, судорожно схватилъ свой бубенъ и колотушку, что-то пробормоталъ и началъ изрѣдка ударять въ бубенъ колотушкой. Тогда къ нему подошло нѣсколько старыхъ тунгусовъ и между ими и шаманомъ началась бесѣда отрывками. Послѣ каждаго отвѣта на задаваемые ему вопросы онъ ударялъ въ бубенъ разъ или два, а иногда и три. Всѣ прочіе тунгусы отодвинулись, но внимательно прислушивались къ каждому слову, произнесенному шаманомъ.

— Что онъ говорить? спросилъ я своего чичероне.

— Говорить—надо уходить отсюда въ другое мѣсто.

— Далеко?

— Далеко. Я знаю это мѣсто. Я часто бывалъ тамъ. Мѣсто шибко хорошее... Я такъ и полагалъ, что онъ укажетъ это мѣсто.

— А самъ шаманъ знаетъ это мѣсто? Бывалъ тамъ?

— Нѣтъ. Шаманъ нашъ никуда не ходитъ. Онъ не промышляетъ... Вишь какой онъ у насъ „нюмча“ (разслабленный), но за то большой „мыргылканъ“ (разумникъ).

— Если ты зналъ хорошее мѣсто, такъ почему же ты не сказалъ о немъ своимъ родовичамъ?

— Нельзя. Мнѣ не повѣрили бы, хотя многіе наши тоже знаютъ это мѣсто... Указать долженъ шаманъ. Ему только и вѣрять. Да и нельзя иначе, хунгэ. На то шаманъ у насъ.

— А вашъ шаманъ говорить по-русски?

— Мало-мало говорить, какъ и я.

Гаданіе кончилось. Шумный говоръ огласилъ воздухъ.

Ребятишки кричали изо всѣхъ силъ, подпрыгивая: „Нулгынь! Нулгыдянь! (Перекочевка! Переселеніе)! Женщины вмѣстѣ съ ними бросились къ своимъ берестянымъ юртамъ. Старики тунгусы все еще окружали шамана. Я съ своимъ чичероне тоже подошелъ къ нему. Тутъ я замѣтилъ, что черты лица его въ сильно напряженномъ состояніи, но глаза полузакрыты, какъ въ полуснѣ. Я объяснилъ по-русски шаману, что мнѣ хочется пред-

ложить ему нѣкоторые вопросы. Согласенъ ли онъ будетъ на это?

Шаманъ отказался. Но мой чичероне началъ его убѣдительно упрашивать исполнить мое желаніе. Я подаль ему нѣсколько мелкаго серебра для передачи шаману. Тотъ принялъ ихъ, но неохотно.

— Намъ чиновники запрещаютъ шаманить для русскихъ, отговаривался шаманъ. Но, говорить, вы добрый хунгэ и бѣды мнѣ не сдѣлаете. Чего вамъ надо отъ меня? Говорите!

— Благополучно ли мы доѣдемъ до приска? спросилъ я.

Шаманъ открылъ глаза, но черезъ нѣсколько секундъ открылъ ихъ. Зрачки его были сильно расширены.

— Будетъ бѣда, большая бѣда, произнесъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ и покачивая головою.

— Съ кѣмъ же случится бѣда?

— Не съ людьми, а съ лошадыю сѣрой масти.

Затѣмъ я задалъ вопросы: гдѣ я живу, въ большомъ или маломъ домѣ, далеко ли отъ церкви, какіе въ домѣ замѣчательные предметы, какая у меня жена и какія дѣти, сколько ихъ и какой ихъ возрастъ? Шаманъ отвѣчалъ, что живу я въ большомъ городѣ, домъ мой тоже большой, онъ третій отъ церкви. Затѣмъ онъ описалъ расположеніе комнатъ, указалъ даже особенности мебели, такъ наприм., въ одной самой большой комнатѣ стоитъ длинный ящикъ со струнами (піанино), тамъ же находятся два огромныя зеркала и одно изъ нихъ съ трещиной по серединѣ, въ другой комнатѣ, поменьше, на стѣнѣ виситъ образъ въ золотой рамѣ, а изображеніе на этомъ образѣ очень похоже на меня (мой портретъ). Онъ описалъ отлично наружность моей жены и дѣтей, а также и возрастъ послѣднихъ. Описывая наружность старшаго моего сына (11 лѣтъ), онъ прибавилъ, что на лѣвой сторонѣ шеи у него красное пятно. Когда же я ему замѣтилъ, что у моего сына такого пятна на шеѣ нѣтъ, онъ сказалъ нѣсколько замѣвшись, что это пятно „*длинг*“ (невидимое, роковое). Онъ хотѣлъ что-то объяснить еще больше, но вдругъ вздрогнулъ, какъ будто отъ укола.

— Даримачкиль! даримачкиль! (посторонитесь! уходите!)

закричали мнѣ тургусы, стоящіе около шамана. Я понятился. Съ шаманомъ сдѣлались опять падучка и конвульсіи. Дѣлать больше было нечего и я отправился къ своему каравану.

— Ловко же его черти ломали, сказалъ одинъ конюхъ другому.

— Ни за какія коврижки не захотѣлъ бы я быть шаманомъ, отозвался другой.

Минуть черезъ десять послѣ этого, мы уже двигались гуськомъ по торной тропинкѣ, заставлявшей насъ пробираться черезъ пни и колоды, надъ пропастями, въ которыя даже и заглянуть страшно, переѣзжать черезъ ручьи и шумныя горныя рѣчки, болота и топи, черезъ всѣ эти своеобразныя прелести дикой сибирской тайги.

Предсказаніе шамана сбылось. Дня черезъ два, одна изъ вьючныхъ лошадей сѣрой масти, остушилась на краю страшнаго обрыва, полетѣла съ вьюками въ пропасть и убилась. Много намъ хлопотъ стоило выручить вьюки. Видѣнное шаманомъ красное пятно на лѣвой сторонѣ шеи старшаго моего сына осуществилось самымъ роковымъ образомъ ровно черезъ 10 лѣтъ, именно 23 іюля 1885 г. Сынъ мой на охотѣ, по неосторожности, застрѣлился. Весь зарядъ дроби попалъ ему въ лѣвую сторону шеи, оставивъ по себѣ небольшое кровавое пятно.

Указаніе шаманомъ мѣста для перекочевки своимъ родичамъ, описаніе точное дома, въ которомъ онъ никогда не бывалъ, лицъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, и наконецъ предсказаніе инцидента съ лошадыю, относящееся къ будущему, а равно и судьбы, постигшей черезъ десять лѣтъ моего сына — все это заставило меня не мало призадумываться. Но какъ и чѣмъ можно было это объяснить? Я вполне былъ увѣренъ, что все въ мірѣ происходящее должно имѣть какое либо объясненіе; необъяснимаго я ничего не допускаю. Гдѣ же ключъ къ этому объясненію? Вотъ въ чемъ вопросъ. Между тѣмъ въ жизни моей встрѣчалось много явленій, которыхъ никоимъ образомъ невозможно было объяснить, не выходя изъ сферы положительныхъ наукъ. До 1875 и вплоть до 1885 года всѣ представители положительныхъ наукъ

съ ожесточеніемъ отрицали все то, что не вмѣщалось въ узкія рамки ихъ чисто матеріалистическихъ теорій. Слѣдовательно, занимаясь задачами, неизмѣнными права на имя научныхъ, было крайне рискованнымъ. Но съ тѣхъ поръ многіе взгляды на вещи измѣнились. Нынѣ самые завзятые матеріалисты занялись изслѣдованіемъ этихъ ненаучныхъ задачъ, самообмановъ, галлюцинацій разстроеннаго воображенія, обмановъ и фокусовъ, какъ они ихъ называли, и къ величайшему изумленію своему увидѣли, что отъ рѣшенія этихъ фокусовъ зависитъ рѣшеніе и тѣхъ міровыхъ задачъ, надъ которыми положительная наука трудилась цѣлые вѣка.

Оказалось, что человѣкъ обладаетъ способностію передавать свои мысли въ мозгъ другого лица, не смотря на дальность разстоянія, способностію воспріятія дѣйствительныхъ объективныхъ явленій безъ посредства органовъ чувствъ, и что у человѣка, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ проявиться также чисто трансцендентная, сверхчувственная способность познаванія, отличная отъ той, которая существуетъ у людей въ нормальномъ ихъ состояніи. Первая изъ этихъ способностей извѣстна подъ именемъ мысленнаго внушенія и вообще телепатіи, послѣдняя подъ именемъ ясновидѣнія въ состояніи сомнамбулизма. Для проявленій дара ясновидѣнія обыкновенно погружаютъ человѣка въ гипнозъ, или, какъ выражались прежде, въ магнетическій сонъ. Но есть такія невротическія натуры, которыя сами собою, безъ внѣшней помощи, погружаются въ этотъ сонъ. Теперь вся область чудеснаго, мистическаго, сверхъестественнаго освѣщается для меня совершенно новымъ свѣтомъ.

Шаманъ есть субъектъ безусловно невротическій, подверженный эпилептическимъ, каталептическимъ и другимъ припадкамъ въ этомъ родѣ, но способный впадать въ состояніе ясновидѣнія безъ всякой внѣшней помощи. Явленія, поразившія меня въ 1875 году, при опытѣ моемъ съ тунгусскимъ шаманомъ, я могу теперь объяснить себѣ весьма просто. Начну съ указанія шаманомъ мѣстности, болѣе благопріятной для кочевья его родичей.

Ожидая отъ своего шамана указанія новаго мѣста для кочевья, каждый тунгусъ мысленно представляетъ себѣ различныя мѣста, въ которыхъ ему приходилось самому быть, или о которыхъ онъ, быть можетъ, слышалъ отъ другихъ. Въ числѣ представленийъ объ этихъ мѣстахъ бываетъ, конечно, и представленіе о томъ, которое, по соображеніямъ тунгуса, было бы болѣе подходящимъ; но этого тунгусъ не высказываетъ, потому что онъ надѣется на шамана и только въ умѣ его постоянно бродитъ вопросъ: укажетъ ли это мѣсто шаманъ или нѣтъ? Объ этомъ мѣстѣ можетъ думать также другой, третій, четвертый, такъ какъ тунгусы мастера отличать свойства мѣстностей, проводя всю жизнь въ передвиженіяхъ изъ одной тайги въ другую. Вслѣдствіе такихъ совпадающихъ представленийъ, образъ мѣстности, болѣе благопріятной для переселенія, отпечатлѣваясь въ мозгу нѣкоторыхъ членовъ сборища сильнѣе, чѣмъ образъ другихъ мѣстъ, передается мозгу шамана, обладающаго чрезвычайной воспримчивостью къ подобнаго рода мысленному внушенію и шаманъ указываетъ на то, что болѣе или менѣе извѣстно самимъ вопрошающимъ, и что они, навѣрно, сами избрали бы, если бы не надѣялись на шамана и обсудили сообща, съ толкомъ.

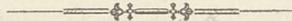
Такимъ же образомъ я объясняю себѣ и удачныя отвѣты шамана на заданныя ему мною вопросы. Задавая эти вопросы, я, естественно, сосредоточивалъ свои мысли и на моемъ домѣ, и на церкви, и на расположеніи комнатъ, и на мебели, и на женѣ, и дѣтяхъ, и возникшіе въ моемъ сознаніи образы, путемъ мысленнаго внушенія, или отраженія, передались мозгу шамана. Что же касается инцидента съ лошадью, о которой я вовсе не думалъ, а также о роковомъ пятнѣ на шеѣ покойнаго моего сына, то я никоимъ образомъ не могу отнести это къ случайному совпаденію галлюцинацій шамана съ дѣйствительнымъ событіемъ, а считаю это настоящимъ предвидѣніемъ, которымъ обладалъ шаманъ, подобно многимъ индивидуумамъ древнихъ временъ. Въ наукѣ нѣтъ аксіомы болѣе прочной и обязательной для ученаго, какъ неизмѣнность законовъ природы и положеніе: *что случая въ міръ не существуетъ*, что всякій фактъ вызванъ неизбѣжно другимъ

фактомъ, ему предшествовавшимъ, и столь же неизбежно вызываетъ свои послѣдствія, т. е. новые факты. Если это такъ, то, само сабою разумѣется, должна существовать и возможность угадывать будущее, потому что оно неразрывно связано съ настоящимъ и прошедшимъ. Если субъектъ, погруженный въ гипнозъ, можетъ ясно видѣть то, что совершается въ отдаленіи въ настоящее время, и если такой же субъектъ по обломку статуи можетъ представить въ своемъ духовномъ видѣніи все, что происходило въ давнопрошедшія времена съ этой статуей, то почему же невозможно подобному же субъекту предсказать и то, что должно случиться въ будущемъ? Если въ мірѣ все совершается по напередъ опредѣленнымъ законамъ, все идетъ по строгой необходимости, то должна существовать неразрывная связь между существовавшимъ, существующимъ и тѣмъ, что имѣетъ явиться; слѣдовательно, какъ отголоски существовавшихъ, такъ и отголоски имѣющихъ народиться явленій раздаются одновременно, и какое-либо особенно чуткое ухо можетъ ихъ разслышать. „Всезнаніе абсолютнаго духа, говоритъ Гартманъ⁴⁾, охватываетъ въ настоящемъ мірозданіи какъ будущее, такъ и прошедшее, а потому индивидуумъ, благодаря напряженному интересу воли, можетъ бессознательно черпать изъ бессознательнаго знанія абсолютнаго духа частности будущихъ происшествій, точно такъ же, какъ и частности того, что происходитъ въ мірозданіи, хотя бы то и въ отдаленныхъ мѣстахъ“. Мысль эту выразилъ Эмерсонъ въ болѣе опредѣленной формѣ. „Всякая сила, говоритъ онъ, есть какая-нибудь часть природы. Умъ, состоящій въ согласіи съ законами природы, находится, такъ сказать, въ потокѣ событій и силенъ ихъ силой. А такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и событія, то если онъ находится въ симпатіи съ ходомъ дѣлъ, можетъ легко предсказывать ихъ“. Болѣзненное состояніе, характеризующее вообще шамановъ, лишая ихъ въ припадкѣ экстаза индивидуальныхъ силъ, дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе доступными воздѣйствію на нихъ „общихъ силъ природы“.

⁴⁾ „Спиритизмъ“ Эдуарда Гартмана.

управляющихъ событіями, вслѣдствіе чего послѣднія дѣлаются доступными ихъ сознанию и, подобно внушеннымъ чужимъ мыслямъ, вѣдряются въ ихъ мозгъ.

Иначе нельзя себѣ объяснить шаманское предвидѣніе относительно разсказаннаго мною случая, а также и всякое другое предвидѣніе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАНИЦЫ.
„Шутку шутилъ“. Къ исторіи „Икрячниковъ“ въ гор. Томскѣ. Разсказъ старожила	1.
Войкая сибирячка.	16.
Сибирскіе шаманы.	49.

О П Е Ч А Т К А :

На страницѣ 42 послѣ словъ „чуть реберь мужу не перело-
ла“ пропущено: „Туть-то и вышла катафазія съ дядюшкой, о ко-
торой я вамъ лучше ужъ послѣ разскажу“.